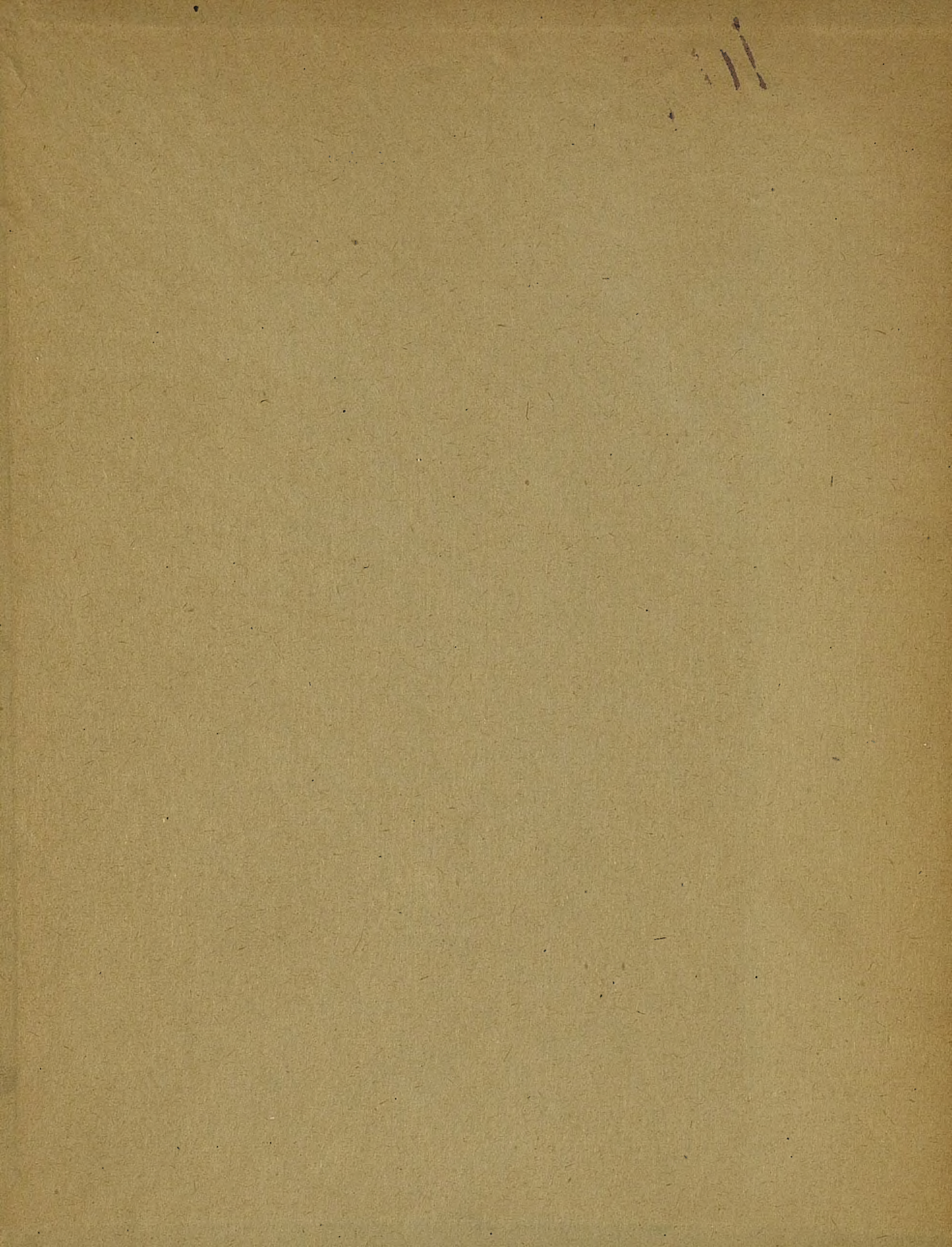
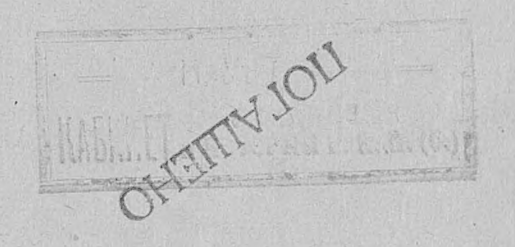

ДБ
30
А-46 П.К
Александ
огрс.

ПОГАШЕНО

1885–1905
ГОДЫ

Тверской Губернский Комитет Рос. Ком. партии [Б-В]

ИСТПАРТ

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Проспект изданий см. в конце книги.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

П. К. АЛЕКСАНДРОВ.

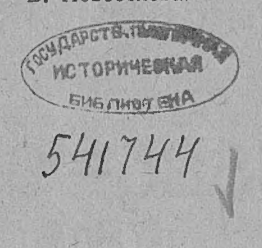
Очерк рабочего движения в Тверской губернии.

1885—1905 годы.

ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНСКИЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (б-ков) (ИСТПАРТ).

1923
Издательство „ОКТЯБРЬ“.

Отпечатано во 2-ой Государственной типографии в количестве 1.500 экзем.
Обложка работы художн.
Б. Новоселова.

Тверь.—Гублит. № 715.

ОТ АВТОРА.

Настоящая книжка не претендует на целиком исчерпывающее изложение истории рабочего движения в Тверской губернии 1885—1905 годов. Наибольшее внимание в ней уделено рабочему движению в крупнейших промышленных центрах губернии: в г. Твери и Вышнем Волочке. История рабочего движения в других уездах не изложена подробно. Здесь даны о нем лишь самые общие указания и занесены те крупные факты и события, которые встречались в использованных материалах.

Несмотря на неполноту и несовершенство работы, автор все-же согласился на печатание рукописи, так как предполагал, что дальнейшая разработка темы может потребовать достаточного количества времени, а настоящая брошюра все-же ознакомит читателя с важнейшими фактами Тверского рабочего движения богатого и интересного периода.

Во избежание недоразумений, следует здесь отметить, что период революции 1905 года не вошел в книжку, а то, что здесь имеется относительно этого времени, является скорее введением в историю 1905 года. Оговоримся также, что вся та часть работы, которая освещает историю партийных организаций в Тверской губернии, посвящена исключительно истории социал-демократических организаций. Читатель не найдет здесь историй организаций народнических или эс-эр'овских, что, конечно, будет в ущерб разнообразию его сведений.

Однако следует помнить, что организации народнического толка, если и существовали в Тверской губернии, то их влияние на рабочие массы за взятый период было ничтожным и с.-д. организация оставалась единственной организацией, накладывавшей отпечаток своего влияния на массовые выступления рабочих и действительно руководившей рабочим движением.

При составлении брошюры были использованы следующие *источники*: 1) Подпольные с.-д. издания описываемого периода,—„Рабочее дело", „Искра", „Пролетарий", „Вперед", „Жизнь" и др., находящиеся в библиотеке Социалистической Академии в Москве; 2) „Дело" 1903 г. „о Тверском

Комитете РСДРП", находящееся в Архиве Московского Судебного Округа; 3) „Дело" и бумаги б. Тверского Жандармского Управления; 4) Бумаги б. Тверского Окружного Суда.

Автор не является участником рабочего движения 1885—1905 г. г., что, конечно, только затрудняло его задачу. Однако, ему удалось получить воспоминания, как в письменном виде, так и путем личного опроса, от т.т. участников движения—рабочих: **Груздкова, А. П. Смирнова** (ныне работника Наркомзема), **М. Некрасова** и **Гаврилова**, которым он и спешит выразить свою признательность, как и **Е. Панову**, который передал ему №№ Тверской с.-д. газеты „Дело" за 1917 год. Здесь имелись статьи **Б. Александровского** о периоде 1898—99 г.г., написанные по материалам „охранки" (ныне не сохранившимся)—статьи, проливающие большой свет на первый период существования с.-д. организации в Твери. Кроме того, автор не может не благодарить Вышневолоцких т.т., также поделившихся своими воспоминаниями.

Желательно, чтобы появление этой брошюры побудило многих т.т., участников рабочего движения, написать свои воспоминания, чем содействовать дальнейшей разработке вопроса.

П. Александров.

I.

Тверская промышленность.

Крупная промышленность Тверской губернии возникла в 50-х—60-х г.г. прошлого столетия, в период начинавшегося развития капитализма в России, в связи с „освобождением“ крестьян и проведением между Москвой и Петербургом Николаевской жел. дороги, оживившей Тверские края. До этого времени Тверская промышленность состояла из мелких кустарных промыслов, развитых тогда как среди крестьянского, так и городского, мещанского, населения. (Подробно о развитии промыслов см. **В. Покровский**: Историко-статистическое описание Тверской губернии 1880 г. том II). Из таких промыслов процветали: производство холста, миткаля, холщевых мешков и др. Значительное количество рабочих рук было занято судоходным и бурлацким промыслами. Было развито гвоздарное ремесло и т. д.

Тканье мешков, судоходный, бурлацкий промыслы развились здесь исключительно в силу расположения Тверской губернии на судоходной Волге.

Развитие пароходства и железных дорог привело к падению упомянутых судоходного и бурлацкого промыслов, а также в значительной степени и гвоздарного, предназначавшего свой товар, главным образом, на постройку волжских барок и судов. Поэтому, к 50-м—60-м г.г. здесь образовались готовые кадры незанятых рабочих, что наряду с обилием топлива, благодаря лесистости губернии, и в связи с развитием удобных и дешевых путей сообщения (проведение Николаев. ж. д.) создало в губернии благоприятные условия для развития крупной промышленности.

Быстрый рост Тверской крупной промышленности в 50—60-х г.г. сменился затем резким упадком и в последующие 10-летия здесь не возникает почти ни одного нового крупного предприятия. **В. Покровский**, на которого мы уже имели случай ссылаться, приводит следующие цифры: было хлопчато-бумажных предприятий в Тверской губернии в 1850 г.—1, в 1860 г.—5, в 1870 г.—5, в 1880 г.—5. В 1881 г. замечается некоторое оживление—возникает еще одно 6-е предприятие, но затем наступает полное затишье. Конечно, впоследствии Тверская крупная промышленность значительно выросла, но не путем возникновения новых крупных предприятий, а почти исключительно путем расширения старых, основанных еще в 50—60-х г.г.

Картина роста промышленности Тверской губернии в цифрах такова:

Было в 1890 г. предприятий—389, рабочих 19885; в 1900 г.—предприятий—163, рабочих—27869; в 1908 г. предприятий—169, рабочих—40224.

Падало рабочих на каждое предприятие в среднем: в 1890 г.—51,1, в 1900 г.—170,9 в 1908 г.—238*).

Если сравнить Тверскую губернию с другими губерниями Московского промышленного района, то окажется, что по своему промышленному развитию она занимает здесь хотя и второстепенное, но все же видное место. Она много уступает таким губерниям, как Московская и Владимирская, со столь крупным промышленным центром как Иваново-Вознесенск, но среди остальных 7-ми губерний района она занимала видное место, уступая на протяжении всего взятого нами периода лишь губерниям Костромской и Ярославской. Например, по цифрам наших источников, Ярославская губерния имевшая в 1890 г.—1902 г. в сравнении с Тверской большее число рабочих—в 1908 г. отступает перед ней на 2-е место.

Распределение Тверской промышленности по отдельным отраслям производства видно из следующей таблицы**):

ГОДЫ.	Всего в губернии.			Во всех отраслях кроме текстильной.			В текст. отрасли произв.		
	Предприятий.	Рабочих.	Раб. на каж. предпр.	Предприятий.	Рабочих.	Рабоч. на каж. предпр.	Предприятий.	Рабочих.	Рабоч. на каж. предпр.
1890 . .	389	19885	51,1	357	6977	19,6	32	17908	403,3
1900 . .	163	27869	170,9	133	9999	75,1	30	17870	359,6
1908 . .	169	40224	238	142	18194	128,1	27	22030	815,5

*) Цифры взяты—за 1890 г. из „Сводок данных о фабрично-заводской промышленности в России" (изд. министерства финан. торгов.; за 1900 г. из статистических сведений о ф-ках и заводах, не обложенных акцизом за 1900 г.—(изд. минист. финанс., отдела промышл.); за 1908 г. из „Статистических сведений по обработке промышленности Рос. империи" за 1908 г. (изд. мин. торг. и промышл.).

Цифры безусловно нельзя считать точными, что оговаривается почти во всех источниках. Данные за 1900 г. касаются только промышленности, не обложенной акцизом и потому преуменьшены.

**) Таблица составлена по цифрам, имеющимся в источниках, указ. выше.

Из них в предприятиях, обрабатывающих хлопок:

ГОДА.	Предприятия.	Рабочих.	На каждое предприятие рабочих.
1890. . . .	12	11996	1655
1900. . . .	7	15383	2197,5
1908. . . .	13	21526	2307

Как явствует из приведенных цифр, самыми крупными предприятиями, об'единяющими более половины рабочих в губернии, являются текстильные предприятия, обрабатывающие хлопок.

Тверской и Вышневолоцкий уезды, находящиеся на линии Ник. ж. д. между Москвой и Петроградом и отстоящие друг от друга на 75 верст, сложились, как центры самой крупной промышленности губернии. В этих уездах сосредоточивается более половины всех рабочих губернии, так как здесь находятся все предприятия, обрабатывающие хлопок. Как по своему промышленному развитию, достигающему для рассматриваемого момента наибольшей высоты в 900 г. (Тверской уезд имеет до 30 тысяч рабочих, а В.-Волоцкий до 10 тысяч рабочих), так и по своему расположению, оба уезда являются наиболее благоприятными для рабочего движения. В г. Твери находится самая крупная ф-ка в губернии и одна из крупнейших в России—„Товарищество Тверской Мануфактуры братьев Морозовых*)“ прядильная, ткацкая, и отбельно-красильно-ситце-набивная ф-ка бумажных изделий. Основана в 1857 г.. Со своими огромными каменными корпусами, со своими казармами и „спальнями“ для рабочих и множеством других построек, она представляет собою целый городок на окраине Твери вблизи Николаевской ж. д.

„Тверская Мануфактура“ насчитывает в 1878 г.—4.566 человек в 1890 г.—4.178 человек, в 1897 г.—6.093 человека, в 1900 г.—8.824, в 1904—05 гг. до 15.000 рабочих**). Вслед за „Тверской Мануфактурой“ по величине следует, находящаяся также в Твери рядом с первой, прядильно-ткацкая ф-ка—„Т-во Рождественской М-ры“ первоначально-Каулина,—а затем П. В. Берг, основанная в 1853 г***) .В 1878 г. она насчитывает 3.600 рабочих, в 1890 г.—1530 рабоч., в 1897 г.—727 раб., в 1900 г.—1.929 рабоч.

---

*) Ныне „Большая Пролетарская М-ра“.

**) Все цифры о количестве рабочих на отдельных предприятиях Тверской губернии взяты из тех же источников, за исключением цифр 1904—05 г.г., взятых из корреспонденции „Искры“, и цифр 1900—01 г.г., взятых из архивных материалов Тверского жанд. управления.

***) Ныне—„имени т. Вагжанова“

В двух верстах от Твери находится ткацкая ф-ка Залогина. Основана в 1866 г. с количеством рабочих в 300 человек, в 1890 г., насчитывает 410 рабочих, в 1897 г.—859 рабочих, в 1900—01 г.—1000 рабочих.

Указанные фабрики исчерпывают текстильную промышленность г. Твери и Тверского уезда. Кроме них следует отметить находящийся в Твери вагоностроительный завод или „Французский“ (название сохранилось за ним с первых дней его существования, когда он принадлежал французской акционерной компании Дильбакалон и на нем работали французы). Основан в половине 90-х годов. Насчитывал самое большее до 3100 человек рабочих. Первоначально вырабатывал вагонные части, а затем строил вагоны. Далее идет находящийся в Твери же чугунно-литейный завод Зверинцева, основанный около того же времени с несколькими десятками рабочих. В Твери находятся также—самая крупная паровая мельница в губернии—„братьев Коняевых“, возникшая в 1881 г. с количеством рабочих—142 человека, стеклянный завод, основанный в 1860 г. Куровым, с 370 рабочими, насчитывающий в 1910 г.—440 рабочих и железно-дорожные мастерские, основанные в 1890 г. со 150 рабочими.

В уезде В.-Волоцком, следующим за Тверью по промышленному развитию, находятся три крупные текстильные фабрики. Бумагопрядильная, ткацкая отбельная ф-ки „товарищества **И. М. Рябушинского с сыновьями**“. Основана в 1858 г. В 1869 г. была куплена Рябушинским; находится в селе Заворове близ г. В.-Волочка. Ф-ка часто горела, сгорала почти до тла, но быстро восстанавливалась. В 1890 г. насчитывала 2.186 рабочих, в 1897 г.—2.006 рабочих в 1900—01 г.г.—2.127 рабочих, в 1918 г.—4.822 рабочих. Бумаго-прядильная ткацкая ф-ка „Тоболка“, Прохорова. Основана в 1881 г. В 1890 г. на ней 1.300 рабочих, в 1897 г.—1824 рабочих, в 1901 г.—3.007 рабочих. Бумаго-ткацкая ф-ка „Волочек“, „т-ва Прохорова“ основана в 1850 г. В 1890 г. на ней 1093 рабочих, в 1897 г.—992 рабочих, в 1900—01 гг.—946 рабочих, в 1918 г.—777 рабочих, так как ф-ка работала только частью.

Оба уезда—Тверской и Вышневолоцкий сосредоточивают в своих пределах всю крупную текстильную промышленность губернии, обрабатывающую хлопок. Остальная крупная промышленность разбросана по другим уездам предприятиями одиночками, как бы вкраплена в их непромышленную среду. Так, в Корчевском уезде находится крупная фарфоро-фаянсовая ф-ка **М. С. Кузнецова**. Крупнейшая ф-ка этого производства в России, находящаяся в селе Кузнецове, основана еще в 1847 г. немцем **Ауэрбахом**, как мелкое предприятие с ручным трудом; тогда ф-ка насчитывала до 100 человек рабочих, преимущественно из окрестных кустарей. Купивший затем ф-ку Кузнецов сразу же ввел машинное производство и привез дополнительно человек 300 рабочих из Гжельска. Предприятие стало быстро расти. В 1890 г. в нем было занято 1220 рабочих, в 1897 г.—1.500 рабочих, в 1901 г.—1.500 рабочих, в 1918 г.—1297 рабочих.

В том же Корчевском уезде находится Чириковский хрустальный завод **А. И. Ге**, основанный в 1862 г. с числом рабочих в 200—300 человек. В общем и целом, Корчевской уезд, исключая указанное предприятие, не является промышленным. В Новоторжском уезде находится писче-бумажная ф-ка **М. Г. Кувшинова**, основанная в 1850 г. в селе Каменском. Это одна из крупнейших писче-бумажных ф-рик в России. В 1890 г. она насчитывала 590 рабочих, в 1901 г.—1000 рабочих в 1918 г.—2304 рабочих, составляющих 63% рабочих всего уезда. Перечисленными предприятиями исчерпывается крупная промышленность губернии.

Остальные уезды, как напр. Кимрский—с его развитым производством обуви, Ржевский—с заметным пенько-прядильным и канатным производством, Калязинский—с развитым производством валяной обуви и др., играют немаловажную роль в экономике губернии, но представляя промышленность в подавляющем большинстве мелкую, не так заметны в рабочем движении.

Такова, в общем и целом, Тверская промышленность, таково ее распределение на территории губернии. По преимуществу текстильная, обрабатывающая хлопок, она сосредоточивает большую часть рабочего класса губернии в двух промышленных уездах—Тверском и В.-Волоцком, бросив крупными, но редкими горстями значительную часть остальных рабочих в Корчевской и Новоторжский уезды по двум крупным ф-кам, теряющимся в общей непромышленной среде. В остальных уездах рабочие распылены по многочисленным мелким предприятиям.

II.

Тверской рабочий. Забастовки 80-х годов.

Первые шаги рабочего движения на Тверских ф-ках и заводах мы можем проследить с 80-х годов прошлаго столетия. Но прежде зададим себе вопрос: кем является тверской рабочий по своему происхождению? Каков его культурный уровень, каковы условия труда в 80-х годах?

Ответить на эти вопросы весьма важно для полного представления о том материале, из которого возникло само движение. По преимуществу текстильщик, тверской рабочий в большей своей части вышел из деревни и, притом, главным образом, из местной, тверской деревни. Так, в „Сводном сборнике статистических сведений по Тверской губернии“ (изд. Тверск. губ. земства) указывается, что „в Тверском уезде преобладание отхожих промыслов об‘ясняется существованием в Твери Морозовской М-ры, где взрослое мужское население находит значительные заработки“. „В В.-Волоцком уезде—по словам того же „сборника“—„масса населения уходит на бумаго-прядильные (фаб-

рики в окрестности Волочка". Это указание на местное происхождение тверского рабочего подтверждается данными для 80-х годов, взятыми нами из бумаг бывш. Тверск. жандармского Управления. Из этих данных видно, что в прядильно-ткацком корпусе Морозовской М-ры где заняты 4257 человек (из общего числа рабочих фабрики в 5000 человек)—3549 человек—выходцы из крестьян Тверского уезда, 384 человека—из Новоторжского уезда, 24 человека—из В. Волоцкого уезда, 10 человек—из Зубцовского уезда, 8 человек—из Осташковского, 5—из Ржевского, 9—из Старицкого, 1—из Бежецкого, 1—из Весьегонского уезда Тверской губернии. На другие губернии падает рабочих всего лишь 240 человек. Отсюда видно, что большая часть рабочих „морозовцев"—крестьяне ближайших сел и деревень. Это—крестьянин, который идет на фабрику, чтобы „приработать" и этим поддержать свое „крестьянство".

Правильность такой характеристики подтверждается другими данными и не только для рабочих „морозовских", но и вообще для тверских рабочих. Так, о времени начала 80-х годов, Покровский („Историко-статистическое описание Тверской губернии", 1880 г.) пишет: „На фабричную работу большинство работников смотрит как на дело не главное, а подсобное при возможности брать главное средство для себя и семейства от земли. Совершенно переселились на ф-ку и всецело предались фабричным работам, сравнительно немногие, но число последних растет."

„В то время—пишет о 80-х годах тверской корреспондент в газету „Пролетарий" (от 25 мая 1905 г.)—годичное производство на Тверских фабриках резко разделялось на два сезона: расширявшееся зимой и сокращавшееся летом соответственно ходу сельско-хозяйственных работ, оно занимало, главным образом, пожилых крестьян-домохозяев, нуждающихся в подспорье для своего хозяйства."

Таким образом, тверской рабочий 80-х годов на три четверти крестьянин, связанный крепко со своей деревней, со своим „крестьянством", в котором он видит свое главное и основное занятие, а ф-ку рассматривает только как подсобный заработок, который должен лишь укрепить надежды на крестьянское хозяйственное благополучие. Насколько крепка и реальна была эта связь с деревней, чувствовал не только рабочий, но и фабрикант, который, как видно из последней выдержки, принужден был сокращать на летнее время производство, вследствии отлива рабочих в деревню на летние полевые работы.

Конечно, связь тверского рабочего с деревней существует и позднее, на протяжении всего взятого нами периода (1880—905 г. г.), но здесь нужно иметь в виду, что процесс пролетаризации крестьянства сказывается в дальнейшем на составе тверских рабочих. С одной стороны, растет ядро порвавших всякие связи с деревней, с другой стороны—для большинства рабочих самая связь делается менее крепкой и принимает такие формы, что из крестьянина вылупливается рабочий. Но об этом в свое время. Естественно, что, будучи на три четверти

крестьянином по происхождению, рабочий 80-х годов в значительной степени был крестьянином и по своей психологии, по своему культурному уровню. Не только крестьянская покорность, темнота, забитость, но и самое положение такого рабочего было крайне невыгодно на случай борьбы с фабрикантом: связь с деревней делает тверского рабочего кровно заинтересованным в работе именно на местных, тверских фабриках, т. к. он не может уйти на другие работы далеко от своего „крестьянства“ и семьи. Поэтому угроза „выкинуть“ сильно действует на таких рабочих, благодаря этому, несклонных „бунтовать“.

К тому же на тверских ф-ках всегда было большое количество женщин—наиболее темный и покорный элемент в рабочей среде, и большое число детей и подростков, совсем безответных перед капиталистом.

Для 80-х годов В. Покровский насчитывает на ф-ках гор. Твери: на Морозовской—4566 рабочих, из коих мужчин—2789, женщин—813, подростков с 15 лет—1228, детей моложе 15 лет—736; на Берговской ф-ке мужчин—2060, женщин—820, несовершеннолетних—720; на Залогинской ф-ке—800 рабочих, из них женщин—390 человек.

На В. Волоцких текстильных ф-ках тот же Покровский насчитывает: на ф-ке Прохорова—200 мужчин, 250 женщин, 800 несовершеннолетних; на ф-ке Рябушинских—500 мужчин, 250 женщин, 800 несовершеннолетних.

Связь с мелким хозяйством, зависимость от последнего также сильно сказывалась на рабочих и других, не текстильных фабрик Тверской губернии, как напр., фарфоро-фаянсовой ф-ке М. С. Кузнецова.

Само положение этой ф-ки, окруженной со всех сторон деревней, способствовало занятию рабочих крестьянством.

Кроме того, хозяин Кузнецов отдавал землю вблизи фабрики под постройку домиков, разведение огородов и т. п. „Условие“, которое заключалось между фабрикантом и рабочими на этой почве, имело пункты прямо закрепощавшие рабочего. Так, рабочий, построивший дом на хозяйской земле, должен был вносить за год вперед арендную плату, причем последняя могла быть изменена хозяином, должен был строить свой дом по хозяйскому плану, не имел права продать его, если покупатель не работает на данной фабрике. В случае ухода с фабрики, рабочий должен был продать дом такому же, как и он, кузнецовскому рабочему или в определенный срок свезти его с хозяйской земли. В противном случае, дом переходил к хозяину за плату „по соглашению“, причем хозяин имел право вычесть из стоимости дома все долги рабочего и недоимки, если таковые у него имелись. Одним словом, „условие“ закрепощало рабочего, прикрепляя его к ф-ке и отдавая в большую зависимость от хозяина, предупреждая всякие попытки к „бунту“. Поэтому, кузнецовские рабочие были своего рода „консерваторами“ в вопросах рабочего движения: хозяйская петля сидела на их шее особенно крепко.

Капиталисты использовали и другие пути обуздания тверского рабочего, пользуясь, напр., тем, что значительная часть рабочих жила в хозяйских „спальнях“, выстроенных как тверскими и вышневолоцкими капиталистами, так и Кузнецовым—сначала в виде деревянных, а затем—и в виде каменных казарм. Эти спальни, усиливая зависимость рабочего от капиталиста, всегда служили к тому же средством обобрать рабочего, будучи сами по себе нетерпимыми по санитарным, гигиеническим и пр. условиям.

Из всего сказанного видно, как неблагоприятны были условия борьбы тверских рабочих с капиталистами. Однако, невыносимая эксплоатация вызывала крупные забастовки и „беспорядки“ на тверских фабриках. В 80-х годах бастуют рабочие как тверских, вышневолоцких, так и кузнецовской фабрик.

Пришедшие из деревни, темные, забитые, эксплоатируемые,—рабочие не выносят вопиющих условий труда и жизни того времени, поневоле поднимаются на забастовки, несмотря на то, что дома, в деревне, от них ждут „помоги“, несмотря на то, что там все требуют от них покорности, терпения и работы. Действительно, условия, в которых приходилось работать и жить на фабриках в то далекое время, были ужасны.

Рабочий день 80-х годов на фабриках Тверской губернии был непомерно велик. Он достигал 12 часов в сутки, а с ходьбой на фабрику и обратно растягивался до 14 часов. Работа проходила двумя сменами по 6 часов каждая, причем сменялись так: в будни работа начиналась в 5 час. утра и кончалась в 12 дня, а потом заступала другая смена до 6 часов вечера, и так две смены работали круглые сутки. Придя домой в 7 часов вечера, рабочий в 8 часов ложился спать, а уже в 11 с половиной часов вечера должен был опять вставать на работу. К 12-часовому рабочему дню прибавлялись еженедельно 2 часа, уходивших на чистку машин и к тому же не оплачивавшихся. Работа тогда была преимущественно сдельная и один ткач, вырабатывая в свои 12 часов кусок миткаля, получал за это 40 копеек серебром. Работая беспрерывно месяц (25 рабочих дней), он мог получить 10 рублей, а за разными вычетами (на баню, больницу, на уплату разных штрафов)—от 8 до 9 рублей. При работе на двух станках, ткач вырабатывал от 15 до 18 рублей в месяц. Средний заработок прядильщика доходил в день до 54 копеек, а в месяц до 13 рублей 50 коп. Подростки и дети зарабатывали от 15 до 25 коп. в день.

Работа производилась в крайне тяжелых условиях: в грязи, в пыли, без вентиляции, (при 21° жары по Реомюру), без каких-либо приспособлений, ограждавших рабочего от машины. Вырвавшись из фабричного ада, рабочий приходил домой, но и там не было лучше. Вот как описывает жилищные условия того времени **В. Покровский**: „Большинство рабочих Морозовской фабрики живет в фабричных корпусах, большинство каулинских рабочих, наоборот, в частных квар-

тирах. Здания фабричных квартир все деревянные, 2-х этажные. Вдоль всего здания идет обыкновенно темный корридор, в который свет проходил только из дверей. По обеим сторонам этого корридора расположены различной величины комнаты, в которых живут рабочие. В каждой из комнат по одному или по два окна. Одни из них предназначены для жилья семейных, другие—для холостых. И те и другие комнаты низки, грязны, узки. Комната с одним окном вмещает в себя человек 7 или 8. Комната с 2 окнами человек 20 и более" *). Далее, Покровский приводит данные комиссии 4-го губернского с'езда врачей, по которым в этих квартирах на каждого рабочего приходится 0,33 куб. саж. воздуха, когда все рабочие находятся дома и 0,66 куб. саж., когда половина рабочих на ф-ке.

Та же комиссия отмечает, что в начале темного корридора находятся дурно устроенные уборные, распространяющие зловоние внутри здания, также как вне его производят это находящиеся вблизи помойные ямы (стр. 53). Не лучше обстояло дело с так называемыми „вольными" квартирами.

Так, один старый тверской рабочий—тов Кузовков в своих воспоминаниях пишет: „В первое мое поступление я жил на вольной квартире; это была 9-аршинная изба в три окна. Помещалось нас в этой клетке 16 человек, за „квартиру" платили по 60 коп. в месяц. За эту плату был готовый свет—одна лампочка на всех, готовая соль и капуста, черная, как смола. Но квартиру не всегда можно было считать готовой. Кто приходил поздно, для того и места не было. Когда все размещались вповалку на нарах, под нарами и на полу, то опоздавшему не только лечь, но и сесть и пройти было негде. Мужчины и женщины, взрослые и дети, все спали под-ряд, кто где успел захватить место".

Неприглядна и беспросветно-темна была жизнь тверского рабочего: капуста, „черная, как смола", хлеб, картофель „с постным маслом", щи, чаще пустые—были главной его пищей. Иногда по воскресеньям „баловались" чаем. Но в то время чай еще не вошел в повседневное употребление, его пили только по праздникам, когда измученные долгим трудом рабочие разбредались по городским трактирам, если не уходили в деревню помочь „по хозяйству".

„Разумными развлечениями" служили водка, которой „заливали горе", и кулачные бои, о которых упоминается, как о главном удовольствии того времени в воспоминаниях старого рабочего.

Такие условия труда и жизнь тверских рабочих отягощались еще фабричными порядками, в то время не урегулированными царскими законами, и отличавшимися диким произволом хозяев и полным бесправием рабочих. Об этих порядках В. Покровский пишет: „Работа на тверских ф-ках продолжается круглый год. С половины

*) См. „Историко-статистическое описание губернии том II, 1880 г.

страстной недели до половины фоминой недели—недельный „перерыв“. Неделя является началом года, с этой недели начинается новый наем рабочих. Рабочий на год прикрепляется к фабрике и уже не имеет права оставить ф-ку до окончания срока найма. Сроком найма для фабричных рабочих бывает обыкновенно срок его паспорта. Но этот срок обязателен для рабочего, но нисколько не обязателен для фабриканта, так как от хозяина не от'емлется право отпустить от себя работника до истечения договорного срока по причине неисполнения (работником) своих обязанностей и лености в работе“.

Этот легальный пережиток полукрепостнических порядков дополнялся целым рядом нелегальных. Последние составляли целую систему обязательств рабочего и косвенного понижения и без того низкой заработной платы. Сюда относятся прежде всего непомерные штрафы, не ограниченные тогда ни чем. Дальше идет принуждение покупать „харчи“ и „товар“ в хозяйской лавке, где цены много выше, чем „на воле“. Это принуждение приводилось или путем угрозы рассчетом, усиления штрафов для нежелающих, или путем невыдачи жалования втечении 3 и более месяцев. Произвольная браковка товаров била в ту же сторону.

Все эти проявления хозяйского произвола были непосредственными причинами забастовок того времени. Забастовочная волна прокатывается по всей России и, будучи наиболее мощной в Московской и Владимирской губерниях, она заставляет напуганное царское правительство издать в 1886 г. закон, пытавшийся регулировать отношения фабрикантов и рабочих. Этот закон, распространялся лишь на несколько губерний, не касаясь, впрочем, Тверской, где он входит в силу позднее.

Здесь, в 1885 г. проходят забастовки, вызванные только что описанными фабричными порядками. 25 февраля 1885 г. начинается первая большая забастовка на Морозовской ф-ке, памятная и теперь старым рабочим. Она была вызвана прежде всего непомерными штрафами. Первыми бросают работу рабочие ткацкого отдела.

Здесь штрафы были наиболее тяжелы, как видно из „дела № 52“, канцелярии Тверск. губернатора, и о беспорядках на ф-ке т-ва Тверской м-ры; они достигли для ткачей 8% заработка, в то время, как для остальных рабочих они доходили только до 5%. Забастовка началась спокойно и тихо. Правда, фабричные подростки стали бить стекла в механическом отделе, стараясь вызвать на забастовку своих товарищей, но дальше этого дело не пошло. Когда все отделы стали, рабочие собрались во дворе огромной массой, и, выбрав своих представителей, пред'явили через них требования. В упомянутом деле № 52 имеется „жалоба“, в которой рабочие изливают свое недовольство и заявляют свои требования. Рабочие пишут: „Жалоба наша состоит в том, что нам работать стало совсем невозможно, потому что штрафы стали на нас налагать за все качества, как то: за порчу товара, ко-

торый мы можем показать в сдельных книжках, за поломку вилок и разных принадлежностей, инструментов, которые могут ломаться от действия машины, за провес и привес утка. Челноки нам выдают в конторе и с нас вычитают за каждые 2 челнока 1 р. 20 к. Когда мы идем за получением из конторы утка или несем сдавать в контору товар во время работы, то на нас пишут штраф за каждый раз 50 к.; поэтому мы принуждены приходить на работу на 1 час раньше времени и с работы уходить на 1 час позже. Случалось многим и так, что при уходе в уборную были штрафованы за простой станков 50 к. По окончании недельной работы останавливается наша работа в субботу в 6 ч. вечера, очистка машин производится в воскресение. На рассвете некоторым случается по необходимости не являться на чистку, за что берут штраф за каждый раз 50 к., несмотря на то сменщик вычистит оба станка по хозяйскому требованию. Есть и такие рабочие, которые не знают номеров своих машин и по незнанию случается сдавать товар с одного станка на другой по сдельным книжкам, за что пишут штраф 25 коп. несмотря на незнаемую его ошибку; случалась у нас ежегодно в спальнях отделка коморок и к ним присылаются рабочие, которым нас принуждали платить за каждое окно 30 коп.".

Из приведенной „жалобы" видно, что штрафы выливались иногда фактически в покупку на счет рабочего челноков, вилок и вообще инструментов и принадлежностей работы, доходя до неимоверных размеров. К требованию уменьшения штрафа рабочие прибавили требование отстранить своих притеснителей,—мастера Яковлева и конторщика Соловьева. Не получив ничего от хозяина, кроме уговоров стать на работу и угроз, рабочие пытались обращаться к властям со своими требованиями. Приведенная жалоба была подана губернатору Сомову, который вмешался в дело и, конечно, не в пользу рабочих. Насколько верили тогда рабочие в добрую волю властей и власть имущих, видно также из того, что они пытались обращаться с жалобами к вел. князю Владимиру Александровичу, но не получили никого ответа и от этой высокой персоны. Далее рабочие пытались „законным путем" добиться удовлетворения своих требований. Так, они пригласили двух тверских юристов—пом. присяжн. повер. Малевского-Малевича и мирового судью Дьякова, чтобы по суду добиться „правды". Оба юриста сочувствовали рабочим, но ничего сделать не могли: их же обвинили в „подстрекательстве" к продолжению забастовки.

Одним словом, несмотря на все обращения рабочих к разным „высоким" лицам и учреждениям, результатов от этого не получилось.

Однако, забастовка затягивалась и тверские власти решили „принять меры".

Губернатор Сомов, как верный страж капиталистических интересов, ввел во двор фабрики 2 батальона пехоты и ½ эскадрона кавалерии. Затем это количество солдат было уменьшено до 2-х рот пеших и 10 чел. конных, т. к. рабочие вели себя спокойно.

Было применено средство, на которое рассчитывали хозяин и губернатор: вывесили об‘явление, что если рабочие к 4 марта не встанут на работу, то будут рассчитаны и выселены из спален. Рабочие на работу не стали. Тогда начался рассчет и выселение. Рассчитанные рабочие отправлялись на „родину“, в деревню, к месту приписки. Это выселение, рассчет и высылка шли тягуче, медленно, и долго не оказывали действия. Ежедневно по 50—60 человек рабочих стали сами приходить и брать рассчет, но на работу не становились. 7-го марта было выселено 200 человек и оставалось в спальнях 2000 чел. К 10 марта оставалось в спальнях лишь 905 человек. Только 12 марта удалось кое-кого заманить на работу. В этот день работало 919 чел. 14 марта работало 1884 чел. К 15 марта было рассчитано 900 чел. и работало 1559 ч. 16 марта на работе 1612 чел. рассчитано около 1700 чел. К 17 марта рассчитано 2323 чел. 19 марта работало 1620 ч. и рассчитано было 2580 чел. Прошел месяц, а фабрика еще не работала полностью. Только к 1-му апреля тверской полицеймейстер писал губернатору, что в прядильно-ткацком корпусе работает 4662 раб. и фабрика идет „полным ходом“.

Так забастовка была сломлена, „зачинщики“—наиболее стойкие рабочие, некто Кузьма Павлов и Димитрий Васильев, были арестованы, а офицерам 8-го гренадерского полка, „командовавшим“ во дворе фабрики, были правлением последней уплачены „суточные“—213 р. 75 к. на 7 человек.

Формально этой забастовкой рабочие не добились ничего, но результаты сказались позднее.

Так, полицеймейстер писал потом губернатору, что после пасхи штрафы уменьшились для ткачей с 8% заработка до 3½ %, а для остальных и еще больше. „Выждав время“, Морозовы отменили затем и взимание платы за челноки, вилки и пр. принадлежности работы. Были сделаны и некоторые другие мелкие уступки.

На-ряду с Морозовской забастовкой, проходила забастовка на ф-ке Залогина, где положение рабочих, как на более отсталой технически фабрике, было еще тяжелее.

Здесь рабочие в числе 500 чел. забастовали 27 февраля и, собравшись на фабрике, пред‘явили свои требования. Недовольство рабочих об‘яснялось следующим:

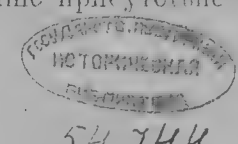
1) Непмоверные штрафы. Каждый служащий конторы должен дать хозяину определенную сумму штрафа и поэтому штрафуют за все, за что вздумается: за отлучку с фабрики для явки к мировому судье по вызову, за нахождение кусочка нитки около станков, за неисправную чистку машин, хотя бы подмастерье и признал ее удовлетворительной; за положенное около станка тканье, хотя работа начинается в 5 часов утра, а тканье берут у рабочего в 8—9 часов и хотя для кладки тканья нет никаких приспособлений; за разбитое стекло, если челнок вылетит из машины и попадет в него, хотя это

никогда не может быть предусмотрено; за прогул, получающийся по вине администрации, которая задерживает выдачу основ и утка, за наличие 30-ти золотников „рванья“, хотя по правилам допускаются 36 золотников и т. д. 2) Обвешивание рабочего при выдаче основ и утка. 3) Обсчитывание при вычете жалованья: плата идет месячная, а исходя из нее, платят поденно, высчитывая за праздники; так, один рабочий за январь месяц получил 13 рублей вместо 14-ти. 4) Принуждение брать продукты в фабричной лавке, хотя они там дороже, чем у трактирщиков.

Забастовка здесь также проходила „тихо и смирно“, была тягуча и, как на Морозовской, кончилась приблизительно к 1-му апреля, дав результаты не большие, если не меньшие. Все забастовки отличались „мирным“ характером. Крестьяне, работавшие на тверских фабриках, верили, что все можно „уладить“ по хорошему, они знали, что их требования справедливы и всячески старались доказать это хозяину и „властям“. Они выступали с документами—своими фабричными книжками в руках, где было написано черным по белому, каковы фабричные порядки. И многие из них не понимали, как это может случиться, что „правда“ не восторжествует. Следует отметить, что крепкая связь рабочего с деревней, со своей стороны, много обусловливала тягучий характер забастовок. Рабочий уходил в деревню и это давало ему своеобразное „преимущество“—конечно, на небольшое время.

Несколько другой характер носила забастовка на фабрике Кузнецова в Корчевском уезде, вспыхнувшая в том же 1885 году и сопровождавшаяся двухдневным разгромом фабричных зданий, квартир хозяина и служащих, фабричной лавки и т. д.

Имеется „дело по описи № 167“—„о безпорядках рабочих на фабрике Кузнецова“, б. канцелярии Тверского губернатора, которое дополняет литературные данные об этой забастовке. Это дело начинается с телеграммы Корчевского исправника Зыкова губернатору от 3-го ноября: „На Кузнецовской фабрике бунт, забастовка и полный грабеж. Я, пристав, и два городовых на фабрике. Толпа выбила везде окна, разграбила лавки, сараи. Вызвал следователя, всех урядников. Почую на фабрике. Ежели завтра соберутся для буйства, попрошу у Вас войска. В Корчеве мало“. 4-го ноября послана другая телеграмма: „Ночь прошла тихо. 3 кабака в окрестности мною закрыты. Утром рано двое отправлены в Корчеву, 3-е арестованы. Собираются артели рабочих, толпы—идут шумные. Хорошо бы человек 50 драгун. Уведомьте“. Внизу приписка: „Толпа приступила сейчас опять к погрому“. Через 1 час 40 минут 3-я телеграмма: „собралось до 300 человек, пошли прямо освобождать арестованных. . . . . Администрация освободила трех, двое,—отправлены в Корчеву под предлогом в больницу, так как избиты. Массы у конторы сильно возмущены—указаний не слушают. Подметили безсилие. Говорунов много. Арестовать нельзя, следует солдат для успокоения. Ваше присутствие не лишнее.“

Телеграммы ретивого исправника не пропали втуне. Скоро на фабрику прибыл губернатор, прокурор и начальник жандармского управления. Конечно, прибыли и солдаты.

Стихийно вырвавшееся наружу, накопившееся негодование кузнецовских рабочих имело под собою ту же почву, что и на Морозовской и Залогинских фабриках. Угнетали непомерные штрафы. Из дела № 167 видно, что в 1883—4 году штрафы достигали здесь 6% заработка рабочего, а в 1885—6 году (год забастовки) они повысились до 9 %, упав затем в 1885—6 году до 4-х %. Очевидно, повышение штрафов было одной из причин, толкнувших рабочих на забастовку. Кроме остальных приемов понижения заработка, как например, путем „втирания харчей" из хозяйственной лавки, здесь процветала приемка готового „товара" после обжига в горне, благодаря чему сильно „угорал" заработок рабочего (до 5½ %)

Поэтому, рабочие требовали уменьшения штрафов, отмены обязательной покупки „харчей" и „товару" в хозяйской лавке, и приемки товара в сыром виде. Требовали также устранения ненавистных смотрителей, „которые делают притеснения",—Стручкова, Ремизова и приемщика Степана Куприянова. Наряду с этим, требовали выдачи жалованья аккуратно—раз в 6 недель и т. д.

Забастовка кузнецовских рабочих, как мы видели, приняла самые стихийные и бурные формы. Она так и началась. Поводом послужило то, что 3-го ноября был праздник „Георгиева дня" и рабочие не хотели работать. Администрация в празднике отказала. Тогда, около 100 человек рабочих собрались в ближайшей деревне Александровке и решили не итти на работу, причем было выпито в складчину ведро водки и в знак солидарности складывались полушубки в общую кучу. Утром 3-го ноября, эти рабочие пошли на фабрику требовать сложения с них штрафа за прогул. Администрация отказала и в этом. Тогда, в знак солидарности и общего возмущения против работы в праздник, забастовала вся фабрика. Прогнав смотрителей, рабочие пошли в трактир, где опять пили в складчину. После этого и начался погром. Весь ход и характер забастовки показывает, что кузнецовские рабочие обладали довольно низким культурным уровнем и не знали организованных форм борьбы. Разумеется, они были и наиболее эксплоатируемыми.

Стихийно и быстро вспыхнув, забастовка скоро и кончилась. Когда приехавший губернатор выстроил перед толпой упорствовавших рабочих взвод солдат и приказал итти на работу, то многие поплелись, а оставшиеся были частью рассчитаны, а частью арестованы и, затем, присуждены к тюрьме от двух до 8-ми месяцев. Кузнецов в особом письме поблагодарил губернатора за „усмирение", при чем сообщал, что он сделает уступки: будут устранены ненавистные рабочим смотрители, будет аккуратнее выдаваться жалованье, но он скорее согласен немного повысить заработок рабочим, чем принимать товар в сыром виде.

Кроме описанных забастовок, в 80-годах происходили волнения вышневолоцких рабочих, также в виде забастовок. Здесь, вследствие ухода рабочих с фабрик в деревню в мае месяце, оставшимся на фабриках становилось труднее работать, что вызывало довольно частые забастовки. Фабриканты, ощущая недостаток рабочих рук, каждое лето, прибегали тогда к привозу рабочих из Москвы и Можайска. Между приезжими и вышневолоцкими рабочими зачастую устанавливались враждебные отношения и, как памятно старым рабочим—волочанам, между первыми и вторыми устраивались даже кулачные бои. Забастовки вышневолоцких рабочих того времени, возникали стихийно и обыкновенно кончались тем, что фабриканты—набавляли по 5 коп. в день заработка на летнее время. Об этих забастовках мы передаем со слов самих рабочих. О них нет никаких указаний в литературе по рабочему движению, как нет этих указаний и в тверских архивах.

В общем и целом, в 80-х годах тверское рабочее движение переживало свою первичную стадию, характерную для общерусского рабочего движения того времени (до половины 80-х годов). Будучи в большей своей части вызваны увеличением штрафов, невыдачей во время заработной платы, принуждением брать продукты в фабричной лавке,—забастовки того времени носили, главным образом, оборонительный характер. Возникая на почве борьбы с злоупотреблениями хозяев, они служили средством самозащиты. Политики в них, безусловно, не было. Наоборот, как мы видели, в рабочих была еще крепка вера в князей, царей и губернаторов, которые могли, по их представлению, защитить их от притеснений хозяев. Если же взять экономические требования рабочего, то и они не отличались широтой и размахом. Рабочие того времени еще не доросли до требований увеличения заработной платы, уменьшения рабочего дня, т. е. до требований более общих и широких. Вся их борьба направлялась, главным образом, против мелких притеснений хозяев, впрочем, в совокупности своей, очень угнетавших рабочих.

Естественно, что крестьянин, работавший тогда на фабрике, не—грамотный, темный и забитый, старавшийся всеми силами поддержать свое падающее, жалкое „крестьянство", не обладал и широким кругозором. Это и отразилось на характере его выступлений, забастовок, его борьбе со строем угнетения и рабства.

III.

Забастовки 90-х годов.

Начало и первая половина 90-х годов не внесли существенных изменений в положение тверских рабочих. Длина рабочего дня остается прежней, заработная плата стоит на крайне низком уровне. Этому сильно содействуют обще-русские условия того времени—силь-

нейший голод 1891—1892 годов, благодаря которому начался большой наплыв разоряющегося и голодающего крестьянства в города, на фабрики, в поисках работы и хлеба. Этот наплыв ухудшил положение рабочих, что сказалось прежде всего в резком падении заработной платы. Не избегла этого и Тверская губерния. Волна забастовок, прокатываясь по всей России, захватывает и ее. В 1893-94 г.г. бастуют тверские рабочие, в 1894 г. бастуют вышневолоцкие. Главными причинами забастовок являются низкие расценки, главным требованием—повышение заработной платы. Характер забастовок продолжает оставаться оборонительным, но на место узких требований 80-х годов, на место борьбы против злоупотреблений фабричного режима, становится уже борьба за более широкие и общие требования, как наприм., повышение заработной платы. В этом сказывается рост тверского рабочего в смысле сознательности и культурности. Время делает свое дело: крестьянин пришедший из деревни, соприкасаясь с городом, приобретает более широкий кругозор и навыки борьбы.

С 1893 года в России начинается промышленный под'ем. Промышленность вступает в полосу своего расцвета, расширяющееся производство увеличивает прибыли капиталистов. Но, вслед за этим, увеличиваются и требования рабочих, сильно пострадавших от последствий 91—92 годов. Забастовки не прекращаются по всей России. 1895—1896 г.г. отмечены забастовками в Вышнем Волочке. Как говорят в своих воспоминаниях старые вышневолоцкие рабочие, они происходят, главным образом, на почве требований улучшения условий труда. При этом рабочие действуют более или менее организованно. Каждый раз вырабатывается „петица" (петиция), которая заключает в себе все требования рабочих и посылается через фабричную инспекцию хозяевам, при чем последние всеми силами стараются урвать что-нибудь из тех улучшений, которых требуют рабочие. Здесь из рабочей массы выделяется уже группа наиболее сознательных и боевых, которая играет руководящую роль в забастовках. Во главе этой группы стоит рабочий, некто **Федоров**—(ныне член Р. К. П.).

В 1897 году проходит крупная забастовка в Твери, на ф-ке Морозовых, которая теперь насчитывает до 8000 рабочих. Об этой забастовке имеется, кроме архивных материалов, богатая корреспонденция в социал-демократическом журнале того времени—„Работник" (№ 5—6, 1899 г.) Эта корреспонденция, кроме описания самой забастовки, проливает свет на положение морозовских рабочих того времени; поэтому на ней мы остановимся подробнее. Из ее сообщений видно, что это положение, оставаясь крайне тяжелым, иногда резко ухудшалось благодаря стараниям фабрикантов, или их верных слуг. Так корреспондент „Работника" пишет:

„В ноябре прошлого года на Морозовскую фабрику приехал новый директор **Алянчиков**, приобревший печальную славу среди рабочих Никольской М-ры (в Орехове-Зуеве) своими гонениями и преследова-

ниями. Однако, надо отдать ему справедливость,—человек он в высшей степени практичный, умеющий из незначительных прижимок и из всяких пустяков, совершенно незаметно, выжимать крупные барыши. С приездом Алянчикова быстро изменились порядки и условия труда. До Алянчикова и в настоящее время на пряжу шел средне-азиатский хлопок, который давал большую утечку и сильно пылил. Ткачи жаловались на плохую пряжу, на то, что в ткани утечка несравненно больше, чем дает контора. Алянчиков пустил в ход лучшие сорта египетского хлопка и понизил расценки. При таких условиях заработок рабочего повысился благодаря лучшему качеству хлопка. Несколько времени спустя контора стала выдавать не чистый египетский хлопок, а смесь с русским; чем дальше, тем больше примешивалось русского хлопка и в конце концов—перешла в чистую на один русский хлопок. Заработок, таким образом, был понижен незаметно для рабочих, или, вернее сказать, заметно, но так, что не вызвал возмущения...... Далее вступление Алянчикова ознаменовалось прикреплением рабочих карманов к фабричной лавке и значительным повышением доходов с нее... До Алянчикова рабочие получали плату 2 раза в месяц. Алянчиков об'яснил, что для „простоты рассчета“ администрация ф-ки решила, с согласия фабричн. инспектора, впредь выдавать плату один раз в месяц, в первою субботу после 20-го. Средний заработок Морозовского рабочего, положим, 15 рублей. Для фабрики, конечно, выгодно удержать плату на полмесяца и в это время пустить в оборот хотя-бы половинный заработок... Капитал в 60.000 остается в руках конторы и пускается в оборот. Рабочий, при всем своем желании, не может свести итогов своего прихода с расходами. Волей-неволей ему приходится прибегать к кредиту в фабричной лавочке, но этот кредит, конечно, ни сколько ему не помогает. Денег рабочий никогда не видит, а при крайней необходимости принужден пускаться на такой финансовый оборот: берет в фабричной лавке четверть фунта чаю в 50 коп. в кредит и несет в трактир, где ему, целовальник, на хороший конец, дает 30 коп..... Все трактиры Красной слободки (около ф-ки) покупают чай именно таким „экономическим“ способом.... На Морозовской и других тверских фабриках за забор в фабричной лавке удерживается все, что следует, и мы имеем множество примеров, когда рабочий в течении многих месяцев не видит денег: весь его заработок остается в конторе за долг в лавку, а в дни дачки такой рабочий лишь узнает, что за ним числится долгу, напр., 17 рублей, а имеет он получить 14 р. - итого на следующий месяц перенесено 3 рубля....

Мало того, при вступлении на фабрику с рабочего, как водится, берется залог в размере полумесячного заработка, т. е. 7 рублей, который и лежит в конторе, пока рабочий работает на ф-ке. Залоги введены лет 6 тому назад, одновременно с „даровыми“ квартирами. Раньше квартиры были платные по 75 коп. в месяц с человека, теперь „даровые“; содержание „даровых“ казарм обходится ф-ке 8000 р. в год, что

легко покрывается простой оттяжкой дачек, не говоря уже о доходах с лавки, от „удобства“ одной дачки в месяц и „обезпечения“ конторы залогом. При этом необходимо прибавить, что ф-ка сильно злоупотребляет рассчетом, рассчитывает когда вздумается, не предупреждая за 2 недели, как обязывает закон. Надо иметь ввиду, что до Алянчикова на ф-ке миткаль почти не ткался. Алянчиков ввел низшие сорта миткаля с пониженным расценком... Заработок рабочего упал с 18—15 руб. до 10—12 руб. Примеру Морозовской ф-ки последовали и две соседние, так что заработная плата стояла почти везде на одном уровне. Все это вместе взятое порождало недовольство рабочих и неуклонно вело их к стачке.

Об этой стачке морозовские рабочие поговаривали еще в декабре 96 года. Наконец, негодование назрело и у одной части рабочих вырвалось наружу. 3-го июня какое-то вздорное столкновение одного из ткачей с мастером послужило сигналом. До обеда работали, а в 2 часа вся смена ткачей „вольного“ корпуса бросила работу и высыпала на фаб. двор. К ним тотчас-же присоединились и прядильщики. Прибыл фабричный инспектор Песков—и начались переговоры. Ткачи требовали прибавки по 2 коп. на кусок, что составляло от 1 р. 20 к. до 1 р. 50 к. в месяц, на одного рабочего. Прядильщики не выставляли никаких требований, будучи застигнутыми врасплох стачкой и забастовали, чтобы поддержать товарищей. „И надо заметить—пишет „Работник,“—что Морозовы согласны были на уступки, но против этого энергично протестовал фабричный инспектор Песков, заявивший, что раз будет сделана уступка, немедленно же поднимется вся губерния, так как всюду отношения рабочих к фабрикантам донельзя натянуты и победа рабочих послужит сигналом к целому ряду крупных забастовок на всех фабриках“. Песков был прав: рабочие Берга, узнав, что морозовцы забастовали, побросали работу и два часа „скандалили“, но после разных обещаний увеличить „расценки“, снова взялись за работу. То-же случилось и на м-ре Залогина. На другой день вести дошли до м-ры Прохорова и Таболки в В. Волочке. „И там—пишет корреспондент—как передавали, рабочие пробовали „скандальничать и озоровать“.

Однако, против морозовцев были „приняты меры“. Были вызваны войска. Фабричная лавка прекратила выдачу продуктов, были также закрыты по требованию полиции все кабаки, трактиры и мелочные лавки в Красной слободе. Было вывешено об'явление, что не ставшие на работу 4 июня будут рассчитаны, а те, кто станет работать, не будут оштрафованы. Морозовы бросили жалкую уступку: согласились набавить 2 коп. на кусок для тех, кто проработает 3 летние месяца.

Конец стачки так описывается в „Работнике“: „Около 5 час. 4-го, явились 1½ батальона солдат и разбили лагерные палатки во дворе ф-ки. Город опустел, все полицейские и администраторские силы были на фабрике. Управляющий Попов, директор и фабрич. инспектор Песков

уговаривали рабочих стать на работу. Фабрика стояла. Входы в фабричные корридоры охранялись караулами. Все усилия были направлены на пожилых-семейных. Около 12 час. дня был дан свисток. 105 человек под конвоем солдат и полиции прошли в большой корпус на работу. Остальные, около 4000, бастовали. Поздно вечером отряды полицейских пошли в спальни выселять упорствовавших. 200 семей были выгнаны за фабричные ворота. Из холостых казарм народ разошелся сам и разместился в слободке... Из фабричных казарм, собравши свои жалкие пожитки, плетутся под конвоем полиции рабочие с женами и детьми, а в нескольких шагах солдатам выкатили бочку водки, привезли булок, колбасы, пирогов, те веселятся и дерут глотку: „Сашенька, Машенька“...

Вечером 5 июля работало около $^2/_3$ забастовавших. Стачечники встречали поленьями и камнями отступников, когда те проходили с работы.

Но стачка была проиграна. Она началась за 2 недели до „дачки“ и по одному этому была обречена на неуспех. 6-го июня $^1/_3$ забастовщиков еще не работала, но 7-го и они взялись за работу. 40 человек были немедленно рассчитаны, их паспорта и деньги были отосланы „на родину“, а сами они последовали этапом туда-же. Далее „чистка“ продолжалась и было еще рассчитано 80 человек. Большую роль при ликвидации стачки сыграло выселение из фабричных квартир.

„Рабочие держались солидно—заканчивает корресп. „Работника“: буйства и пьянства не было, вообще две прежние стачки не прошли бесследно“.

С 1896—97 г.г. в России начинается широкий под‘ем забастовочного движения, главным образом, среди текстильщиков во главе с рабочими Петербургских текстильных фабрик. Январьская забастовка в Петербурге захватила тогда большое число рабочих, причем носила уже резко наступательный характер. Рабочие боролись за уменьшение рабочего дня и добились 11½ часовой работы вместо 12-й часовой, что было проведено тогда же законом. Это крупное завоевание рабочего класса делает очень популярным требование уменьшения рабочего дня и вызывает волну забостовок за повышение расценок, которые компенсировали-бы рабочему это уменьшение. На такой почве в 1898 г. бастуют в Тверской губернии вышневолоцкие ткачи.

Директор Прохоровской ф-ки **Ахумов** за две недели до нового года об‘явил рабочим, что по закону 2 июля 1897 г. повсюду вводится „законный“ 11½ час. рабочий день для дневных рабочих и 10-ти часовой для ночных, поэтому рабочий день придется сократить, но расценки останутся те-же. Однако, несмотря на обещания Ахумова, заработная плата уменьшилась. Поняв это, прядильщики и ткачи 24 января забастовали, требуя прежней платы. 24 и 26-го (25-го было воскресенье) женщины еще работали, но 26-го после обеда тоже бросили

работу и вся фабрика встала. Стачка продолжалась с 26 января по 3-е февраля и в ней участвовало свыше 3000 рабочих. Стачечники ничего не могли добиться. („Жизнь“—социал-демократический журнал за 1902 г. № 1).

Еще до этой стачки, в октябре 1897 года проходила вторая стачка на Морозовской ф-ке. Стачка была небольшая, участвовало до 1000 ткачей. Ее продолжением была стачка 19—23 февраля 1899 года. Продолжением этой, в свою очередь, была стачка 20—25 марта 1899 года. Все три стачки возникли на почве одних и тех-же требований, среди которых, как и на Прохоровской ф-ке, видное место занимало требование повышения расценок, уменьшенных в связи с проведением закона 1897 года. Вот как описывает начальник быв. Тверск. Губ. Жандармск. Управл. в своем „политическом“ обзоре губернии за 1899 г. февральскую и мартовскую забастовки 1899 г.: „В феврале м-це на Тверской м-ре произошли стачки, вызванные исключительно недовольством низкой заработной платой, дурным материалом, уменьшением заработка и отсутствием технических усовершенствований поддержания влажности воздуха, что не позволяло вырабатывать достаточное количество пряжи, а также отзывалось на уменьшении заработка. Выясненное тогда справедливое требование рабочих заставило фабрикантов Морозовых обещать им удовлетворение их претензий, но это обещание не было выполнено. Результатом была новая стачка 20 марта, в которой приняли участие более 4000 чел., позволивших себе буйство, битье стекол, разрушение домов и электрического освещения.

Вследствие такого поведения рабочих, новый корпус фабрики, в котором работали стачечники, был закрыт и стачечники, работавшие в той зале, откуда началась забастовка, были рассчитаны, при содействии войск арестованы и высланы на родину. Рассчет уволенных рабочих производился при надзоре фабр. инспектора и при этом было установлено систематическое обсчитывание рабочих фабрикантами Морозовыми и невыполнение договоров с рабочими, о чем и был составлен протокол“. Из этого протокольного описания стачек видно, что возмущение рабочих вылилось в форму разгрома и буйства, и что последнее носило довольно серьезный характер. Что же касается требований рабочих и результатов стачек, то об этом мы узнаем по корреспондеции в с.-д. журнале „Жизнь“ (№ 1 - за 1899 г) „На всех трех стачках—гласит корреспонденция—были выставлены одни и те же требования: 1) сокращение куска, 2) возвращение процентовых денег, 3) повышение расценок, 4) уплата за простой станка по вине конторы, считая стоимость рабочего дня ткача в 75 копеек, 5) улучшение основы и 6) увольнение директора Алянчикова. Результаты стачек были следующие: 1) небольшое сокращение куска; 2) обещание повысить заработок ткача до 75 к. в день. Администрация не оставалась, конечно, безучастной: после 1-й стачки было выслано 300 человек на родину по этапу, после 2-й—1000 человек.“

Из всего сказанного видно, что только тяжелой борьбой и с большими жертвами тверским рабочим удавалось добиваться ничтожных, нищенских уступок, которые, к тому же, по установившемуся „обычаю", г.г. фабрикантами, при первой возможности, отбирались обратно.

98-й и 99-й годы отмечены также забастовками вышне-волоцких рабочих. Там эти забастовки, как и в 80-х годах, проходили регулярно в июне и октябре месяце, когда ткачи массой отливали в деревню на „страдную пору" и вновь возвращались на фабрику. В первом случае, оставшимся становилось тяжелее работать, что вызывало их на борьбу за повышение расценок, во втором случае, приходившие из деревни рабочие сбивали расценок работавших, что опять вело к волнениям. Так возникали, по отзыву рабочих—волочан, „легкие" забастовки. Среди требований было: повышение заработка, улучшение бань и жилищ, кипяток для рабочих, смена больничного персонала, не удовлетворявшего рабочих и т. д.

В этих забастовках активно выступали женщины-работницы. Работая, как и мужчины по 11—12 часов в сутки, томясь на ночных работах, женщины быстро вовлекались в борьбу.

Беспросветный фабричный быт порождал иногда выступления, продиктованные крайней ненавистью рабочих к их угнетателям разного сорта. На тех же вышне-волоцких фабриках был убит в 1898 году один из ночных мастеров, страшно притеснявший рабочих, особенно женщин и детей, и заслуживший общую ненависть. В 12 часов ночи, когда он пил на фабрике чай, к нему подкрался один рабочий и большой гирей размозжил ему голову. Убийца, некто Стружинский, по отзыву его товарищей, был боевой и энергичный рабочий. Его после убийства так и не удалось уличить полиции, так как рабочие ни за что не хотели выдавать человека, убившего их общего, ненавистного врага. На фабрике все свободно вздохнули после этого события.

IV.

Зарождение социал-демократической организации в Тверской губернии.

Конец 90-х годов отмечен зарождением социал-демократической оганизации среди тверских рабочих.

В тверском забастовочном движении 90-х годов „политики" не было, как не было ее и в 80-х годах. Рабочие выступали на почве чисто экономических требований, правда, более общих и широких, чем в 80-х годах. Но с конца 90-х годов тверское рабочее движение делает следующий шаг вперед, а именно—приобщается к политической, партийной, рабочей организации и к политической борьбе, которая развивается медленно и первоначально захватывает лишь очень

узкий круг наиболее передовых рабочих. Остановимся на главных условиях и причинах этого дальнейшего шага движения.

Не говоря о численном росте рабочего населения (см. 1 главу), к концу 90-х годов произошли изменения в самом составе тверских рабочих, в сторону уменьшения количества крепко связанных с деревней. Так, о времени конца 90-х и начала 900-х годов, тверской корреспондент газеты „Пролетарий" пишет: „Теперь настоящие хозяева работают на фабрике лишь ввиде исключения и прорехи крестьянского хозяйства пополняются фабричным заработком молодежи, выделенной для этой цели почти из каждого хозяйства. Трудовую связь с деревней эти рабочие уже порвали. Зависимость от постороннего заработка и прикрепленность к земле крестьян, с одной стороны, и чисто фабричная обстановка Тверского рабочего—с другой, создают чрезвычайно сложную психологию среды. Несомненно, что это будет психология широко пролетаризующегося крестьянства. Большинство здешних рабочих почти ежедневно посещает деревню и вообще очень часто видится со своими родичами."

Как видно из приведенного, с конца 90-х и начала 900-х годов связь с деревней у тверских рабочих слабнет. Растет численно ядро пролетариев порывающих с деревней. Эти рабочие, преимущественно выброшенная из деревни молодежь, соприкасаясь с городской жизнью, все более теряют психологию крестьянской покорности и забитости, а жизненная практика борьбы с хозяевами учит их понимать тесную зависимость между экономическим гнетом и существующим политическим строем. Так создается благодарная почва для революционной, политической работы, чему помогало и наступавшее тогда общее всероссийское политическое оживление.

Наряду с последним, начиная со второй половины 90-х годов развивается рабочее социал-демократическое движение в передовых промышленных центрах России, в первую голову в Петербурге. В конце 90-х годов там уже появляется тип сознательного рабочего—социал-демократа, который наряду с интеллигентом принимает активное участие в руководстве социал-демократич. работой и, наряду с интеллигентом, заполняет тюрьмы, ссылку и „места не столь отдаленные". Высланный из столиц, социал-демократ попадает в провинцию и здесь является проводником идей с.-д. организации.

Тверская губерния, расположенная вблизи столиц, на железной дороге между Москвой и Петербургом, являлась местом скопления таких „политических", так как была в то время „ссыльной губернией". Высланные сюда рабочие и интеллигенты, социал-демократы, входят в соприкосновение с наиболее передовыми рабочими, преимущественно молодежью и, таким образом, создаются условия для возникновения рабочей социал-демократической организации. Отметим здесь,

что роль „иностранцев" в деле создания социал-демократической организации в Тверской губернии была очень значительна.

Первые попытки установить связи с рабочими и повести социал-демократическую пропаганду в Тверской губернии относятся к 1896 г. Они были сделаны высланными из Питера членами „Союза борьбы за освобождение рабочего класса" бр. Мельницкими в В. Волочке. Такие же попытки были сделаны и в Твери, но безуспешно (см. „Жизнь" № 1, 1902 г.) Эти попытки не дали никаких результатов в смысле создания организации. Результатом было лишь проникновение революционного слова и революционной литературы в рабочую среду. Круг рабочих близких к Мельницким ограничивался немногими лицами, которые еще не были социал-демократами.

В Вышнем-Волочке, как и в Твери, пропаганда социал-демократических идей возникла в связи с устройством воскресных школ для взрослых рабочих в 95—96 г.г. Среди учителей этой школы в В.-Волочке были социал-демократы: упомянутые Мельницкие, Дружинин (народный учитель). Была социал-демократкой и сестра Мельницких—Ольга. В воскресной школе обучали грамоте, а более развитых рабочих, пытались подготовить на места учителей низших сельских школ. От грамоты переходили постепенно и незаметно к вопросам общеобразовательным, а затем и политическим. Заходила, например, речь о подземных работах в шахтах: с этим связывалась беседа о положении рабочих шахт, а затем и рабочих вообще. Дальше говорилось о необходимости для рабочих организоваться, сплотиться для улучшения своего положения, для борьбы за лучшее будущее. От вопросов борьбы недалеко было до разговора о тех, кто борется, напр., о политических ссыльных. Кроме устной пропаганды, в воскресной школе, куда подбирали наиболее передовых рабочих, распространялась нелегальная, с-д. литература. Но все это продолжалось недолго. В 1897 г. Мельницкие и Дружинин были арестованы и посажены в тюрьму, а затем сосланы на 3 года в Вятскую губернию. Воскресная школа была взята под подозрение и закрыта.

В 1896 году, в Твери повели социал-демократическую работу отдельные рабочие, преимущественно питерские. Основателем первых социал-демократических кружков в Твери и Тверской губернии, следует считать рабочего Прошина, высланного из Петербурга в Тверь, старого с-д. работника, автора одной из „четырех речей рабочих" на маевке 1891 г. в Петербурге.

В 1898 г.—99 г., в Твери, вокруг Прошина создается с.-д. кружок из рабочих: Андрея Лазарева, Бориса Зиновьева, Сумеркина, Мих. Толстикова и др. В кружок входили с.-д. интеллигенты: В. Новодворский и гимназист Б. Савинов. Кружок вел революционную пропаганду среди тверских рабочих и обладал техническими средствами для печатания литературы.

Однако, рабочему кружку не удалось спокойно развиваться, полицейская лапа скоро задушила его. Весною 1899 г. Б. Зиновьев

был арестован вместе с частями типографии. Поводом к аресту одного из первых тверских рабочих социал-демократов послужили письма, найденные при арестах екатеринославских рабочих, которые с ним переписывались.

Следует отметить **Бориса Зиновьева**, как самоотверженного работника, покончившего трагически свою молодую жизнь. Схваченный жандармами и брошенный в Тверскую тюрьму, он умер там для всех неожиданно. В социал-демократическом журнале „Рабочее дело" (№ 4—5 за 1900 г.), мы находим следующие строки, посвященные Зиновьеву. „Еще один крупный факт". В субботу 5 февраля, в здешней тюрьме, умер рабочий Борис Иванович Зиновьев. Он был арестован весной прошлого года, при аресте взяты шрифт и станок, сделанный им собственноручно и, по отзыву экспертов, очень совершенный в техническом отношении. Это был, по словам знавших его лиц, человек очень способный, даже талантливый (такой же отзыв о нем дал и прокурор, ведший его дело). Умер он скоропостижно, от заворота кишек и, что придает особый трагизм его смерти—в самый день смерти, он должен был венчаться со своей невестой, тоже сидевшей в тюрьме, на что он уже получил разрешение. Накануне он был совсем здоров. Последними его словами были: „как ни паскудно жить, а умирать не хочется".

А вот специфически русская „подробность". Тюремный доктор отказался оперировать (при завороте кишек—операция единственное средство) и пригласил одного из городских врачей. Тот приехал без пропуска (по приглашению врача); но... смотритель не пустил его. Он поехал разыскивать прокурора, с трудом нашел его и, только к утру добрался до больницы. Было уже поздно. Операция не спасла Зиновьева. Типография, сделанная Зиновьевым, предназначалась в Москву, из чего видно, что Зиновьев и его кружок, имели связи с московскими социал-демократами.

Однако, с арестом Зиновьева, революционная работа в Твери еще не распалась. Кроме оставшихся рабочих с.-д., к тому времени уже сложился ряд интеллигентских кружков, главным образом, народнических, частью социал-демократических. Эти кружки также, почти с начала своего существования, попали в лапы полиции. Нужно сказать, что конец 90-х годов был временем усиленной „работы" жандармерии,—развертывалась работа „знаменитого" Зубатова, в круг личного „наблюдения" которого, входила и Тверская губерния. Зубатов искусно поставил „дело", полагаясь главным образом, на провокацию слабохарактерных и неубежденных членов организации, которых, арестуя, заставлял раскаиваться и—„давать совершенно откровенные показания". Зубатов использовал некоего интеллигента П. П. Каромышева, арестованного вместе с Зиновьевым и развернувшего перед охранником, всю картину революционной работы в Твери.

Как видно из письма Зубатова в Тверское жандармское отделение, в Твери существовали в 1899 г. следующие кружки: *)

„Во-первых, кружок гимназистов. Кружок имеет свой устав, устраивает рефераты для самообразования, обладает библиотекой до 600 томов, преимущественно экономического характера. Главные члены кружка: Кропоткин Мих., Полтев Дм., Швыйковский Н., Мартьянов, Брехов и другие (прибавим от себя, что кружок этот состоял из эсэров). Во-вторых, кружок гимназисток. Собрания происходят на квартире В. Н. Николаевской, у которой хранится и библиотека кружка. Члены кружка: Николаевская Татьяна, Ярцева Алекс.—переписывается с привлеченным к дознанию Грамматиковым (с-д., арестов. по делу Зиновьева), С. К. Муравьева, Е. А. Рагозина, Дьякова, Мартьянова. В-третьих, кружок реалистов. Кружок этот с уходом Ник. Кропоткина переживает кризис. В-четвертых, кружок семинаристов. Кружок носит оттенок нелегального характера. Почти поголовно состоит из с-д., группируется вокруг Рагозиной Е. А., имеет свою библиотеку, а также, устраивает рефераты. Занят пропагандой на Морозовской ф-ке. Из членов кружка известны—2 брата Митягины. В-пятых, общество народного образования. Народнический отдел общества занят пропагандой по деревням, путем рассылки нелегальных изданий через земские школы... Видный член кружка Евген. Петр. Александрова, большая конспираторша, поддерживающая сношения с Екатеринославом. Марксистская часть общества занята подготовкой крестьян к рабочему движению и имеет своим представителем кн. Анну Кугушеву. В шестых, собственно-революционный кружок: Анна Кугушева, Елизав. Алекс. Рагозина, Влад. Дм. Новодворский, Борис П. Савинов, вышедший из 7 класса гимназии и поехавший кормить голодающих, гимназист 6-го класса Логовский и Ольга Петр. Савинова“. (Заметим, что все члены „собственно-революционного кружка“—социал-демократы, как и семинаристы, в большей своей части и что именно интеллигенты этих кружков ведут работу на фабриках, будучи так или иначе причастны к ней).

Напомним, что эта работа косвенно была связана с открытием на ф-ке Морозовых в 1898 г. воскресной школы. Последняя содействовала пробуждению сознания среди молодых рабочих, тем более, что в среду ее преподавателей, как и в В.-Волочке, проникали люди, связанные с революционной работой, как это видно из документов „охранки“. Школы были под сильным подозрением полиции и в жандармских писаниях сказано много крепких слов по адресу Морозовой, рискнувшей открыть школу и... выписывать „Русские Ведомости“. В порыве своего жандармского усердия, тверская охранка причисляет этого эксплоататора, с налетом ханжества и филантропии, прямо к лику „революционеров“.

---

*) Цитируем по статье **Б. Александровского**—«Из истории революционного движения в Твери», помещенной в №№ 24, 28 Тверской с-д. газеты «Дело» за 1917 г.

Зубатов перечисляет далее „салоны“, т. е. квартиры, где собираются в Твери оппозиционно-настроенные интеллигенты, для совместных бесед, чтений и т. д. Здесь мелькают фамилии старых тверских либеральных дворян—Бакуниных, Кропоткиных, Дьяковых, и т. п. В их „салонах“ собираются либералы и зеленая учащаяся молодежь, начинающая интересоваться общественными вопросами.

Как видно, революционное движение захватило тогда довольно широкий круг тверской интеллигенции. В этом, очевидно, сказывались и традиции либерального Тверского земства и его деятелей-интеллигентов. Конечно, большинство кружковых интеллигентов работы в массах ни вело, занимаясь, главным образом, самообразованием.

Однако, Зубатов не стал медлить и как только хорошо „осведомился“ об этих кружках, приступил к их „ликвидации“. В 1899—1900 г., в декабре-январе месяцах, она была произведена. Были обысканы и арестованы: Лазарев А., Б. Савинов, Новодворский, Сумеркин, Николаевская, Мих. Кропоткин, Повало-Швыйковская, Кугушева Анна и многие другие.

Надо сказать, что произведенная таким образом в Твери „чистка“, задела, главным образом, народнические организации; социал-демократов она коснулась лишь отчасти.

В том же 1899 г. появляется в Твери крестьянин Тверского уезда, работавший ранее на тверских фабриках, **А. П. Смирнов**. Он отыскивает связи с тверскими социал-демократами и интеллигентами. Начинают работать из интеллигентов: б. студент Юрьевского университета **Б. Александровский** и **Гусев**. Все трое ведут социал-демократическую работу среди тверских текстильщиков. Создавая кружок за кружком, они строят Тверскую социал-демократическую группу.

Из интеллигентов сразу же, очень активно, выдвигается Б. Александровский. Гусев втягивается постепенно в кружковую работу на фабриках. А. Смирнов, как развитой, энергичный, молодой рабочий, главное свое время проводил на фабриках, с рабочими-кружковцами.

Таким образом, следующие за 1899-м, 1900 и 1901 г.г., являются периодом, когда Тверская группа складывается и оформляется. С огромными трудностями, в самых тяжелых условиях полицейского гнета и преследований, организуется кружок за кружком на тверских фабриках и заводах, растёт число социал-демократов,—сознательных борцов рабочего класса.

V.

Забастовки 1902 года. Образование Тверского Комитета Р.С.Д.Р.П.

Начало 1901 года знаменуется общим политическим оживлением в России, не прекращающимся уже вплоть до революции 1905 года.

От чисто экономической борьбы с капиталистами за улучшение условий труда и жизни, русский рабочий класс начинает переходить к борьбе со всем общественно-политическим строем,—он переходит к политической борьбе и к политическим требованиям.

Конечно, этот переход совершается прежде всего—в наиболее крупных промышленных и рабочих центрах России. Студенческие демонстрации в Петербурге и Киеве, против университетского режима, сначала поддерживаются рабочими, а затем превращаются в рабочие демонстрации, против самодержавного, политического режима, в *целом*.

Это общее политическое оживление, эта начинающаяся политическая борьба рабочего класса, по-своему, сказывается и на рабочем движении в Тверской губернии. Прежде всего, здесь замечается быстрый рост социал-демократической организации и быстрый приток рабочих в социал-демократические кружки.

К началу 1902 года, здесь складывается значительная социал-демократическая группа. Количество с.-д. кружков на тверских фабриках и заводах растет и достигает 16-ти. Впереди идет Морозовская фабрика, где организуется 9 кружков, на Залогинской ф-ке имеются 2 кружка, на вагоностроительном заводе складываются 3 кружка, на Берговской ф-ке—1 кружок и один кружок об'единяет рабочих социал-демократов Куровского стеклянного завода и мелких городских предприятий.

1902 г. отмечен также попыткой, хотя и слабой, создать профессиональное об'единение рабочих. На ф-ке Берга возникает „профессиональный кружок" с числом членов до 25. Кружок имеет свою кассу, куда поступают членские взносы. Однако, условия полицейского произвола не дают развиться профессиональной организации и она скоро замирает, не дав никаких осязательных результатов. Профессиональному движению в Твери—определенно „не везет": до 1905 года рабочее движение здесь совсем не знает профессиональной организации. Но не в пример профессиональному, растет движение социал-демократическое.

В 1902 году число социал-демократов превышает в Твери 100 человек. К организации приливают и новые интеллигентские силы. Кроме Александровского, Гусева, работают бывшие студенты—Забелин Леон, Вас. Панов, Евг. Панов (активного участия не принимает), Анна Влад. Буш, Вислоух и др. Работа расширяется и углубляется, в рабочих кружках закипает жизнь. Часто происходят собрания кружков, где обсуждаются как местные, так и общеполитические события, причем интеллигентские силы ведут пропаганду социал-демокр. учения в рабочих кружках. Соблюдается строжайшая конспирация. Каждым кружком руководит наиболее сознательный и опытный рабочий. Он организует собрания кружка, собирает членские взносы в кассу группы, наиболее тесно соприкасаясь с повседневной кружковой жизнью и работой. Интеллигенты лишь приходят на кружковые собрания для

пропагандистских занятий, причем, в целях конспирации и безопасности пропагандистов от лап полиции, их имена кружковым рабочим не сообщаются. Член кружка знает только своего организатора, обыкновенно рабочего, и только с ним и имеет дело.

К началу 1902 г. складывается социал-демократический кружок среди вышневолоцких рабочих. К этому времени здесь опять открывается воскресная школа, который руководит **П. И. Дружинин.** И здесь, смелее и шире чем раньше, читается революционная литература, причем в школу подбирают наиболее сознательных и революционных рабочих. Рядом со школой организуется первый социал-демократический кружок, почти из одних рабочих. Им руководят **Медов** Андрей, **Кожевников** Матвей Ник., ткач **Митрофанов** Ал-др, слесарь Павел **Смирнов.** Из ссылки снова появляются затем братья Андрей и Николай **Мельницкие** и сестра их Ольга. В кружки входят также рабочие: **Шатовин** Влад., **Дружинин, Осташев и П. И. Мельников**

На ф-ке Рябушинского организуется другой кружок из молодежи, созданный энергичным и умным рабочим, носившим кличку—„Кирилл". Кружок „Кирилла" держит связь с первым кружком*).

Скоро социал-демократические организации дают о себе знать широким рабочим массам. Вышневолоцкие кружки ведут усиленную работу среди передовых рабочих. Распространяются воззвания и брошюры Плеханова, Горького и др. Из Твери сюда присылаются социал-демократические: „Искра", „Заря" и брошюры заграничного издания, причем из Твери для связи часто приезжает представитель. Кроме письменной пропаганды ведется и устная. Часто происходят собрания наиболее сознательных рабочих—„массовки" в ближайшем лесу.

На этих собраниях произносятся горячие речи—о необходимости борьбы с самодержавием и об'единения рабочих вокруг социал-демократического кружка. Собрания происходят тайно, со всеми предосторожностями. Пропускают на них только социал-демократов и наиболее сознательных, знакомых рабочих, причем, условным знаком для приходящего, является утирание лица красным платком. Тверская социал-демократическая группа также вскоре принимается за широкую работу в массах, выступая прежде всего, во время забастовок со своими листовками, где указывает рабочим их главных врагов, задачи борьбы и наиболее верные пути для этой борьбы.

В Твери социал-демократическая организация, возникшая незаметно для широких масс, первоначально слабая и малочисленная, с 1902 г. делается известной почти для каждого тверского рабочего и, наконец, завоевывает на фабриках большой авторитет и влияние. Прокатившийся по всей России, начиная с 1899 года и по 1903 г., промышленный кризис, увеличивая безработицу, всюду понижает заработную плату рабочих, резко ухудшая их экономическое положение.

*) Установить фамилию „Кирилла" нам не удалось.

Это вызывает волну забастовочного движения, которое—на фоне начавшегося тогда, общего политического оживления—принимает особенно обостренный характер. В 1902 г. проходят забастовки в Твери: на Морозовской фабрике, на Вагоностроительном заводе и на Залогинской фабрике.

Все три стачки возникают на почве недовольства понизившимися расценками и невозможными условиями труда и жизни рабочих.

Вагоностроительный завод, построенный в период грюндерской горячки второй половины 90-х годов, переживал с 1900 года, в связи с кризисом, время резкого ухудшения своих коммерческих дел, и к тому же, в 1900 г. он сильно пострадал от пожара. Рабочие были поставлены здесь в условия много хуже прежних, и тем не менее, они с трудом шли на забастовку, т. к. боялись, что хозяева используют ее, как повод к закрытию завода. Были и другие причины их слабой сопротивляемости капиталу, из них наиболее важная—состав самих рабочих. Здесь работали и крестьяне, связанные с деревней, и чистые пролетарии, давно забывшие о деревне, и владельцы мелких домиков, в Заволжской и Затверецкой частях города. Такая разнородность состава рабочих, в значительной степени об'ясняла малую силу сопротивляемости их капиталу, хотя здесь жизненные потребности и культурный уровень рабочих были несравненно выше, чем у текстильщиков. В общем же и целом, рабочие вагоностроительного завода, если и выступали, то всегда мирно и организованно, на почве чисто экономических требований.

На этот раз понизившиеся вдвое и втрое расценки толкнули их на забастовку, которая вспыхнула в конце февраля, из-за изменения порядка работ, предполагавшегося директором Белоножкиным. Раньше работы продолжались здесь от 7 час. утра до 7 час. вечера, а под праздник с 7-ми часов до 5 час. вечера, при 2-х часовом перерыве. Белоножкин об'явил, что работа будет кончаться на ½ часа. раньше для экономии освещения, но и перерыв сократится на ½ часа Рабочие усмотрели в этом намерении исподволь увеличить рабочее время под праздники и забастовали в кузнечном и слесарном цехах. Белоножкин в конце концев уступил и на заводе затихло, но не надолго.

В конце февраля 1902 г. были волнения у Берга. Здесь положение рабочих бывшее всегда тяжелым, теперь еще ухудшилось. Вместо законных 11½ часов, рабочий день тянулся 12 часов—паровую машину пускали утром и после обеда раньше минут на 7, а останавливали позже. Если же паровая останавливалась из-за поломки, то приходилось отрабатывать 2 часа в течении полмесяца (т. е. ежедневно лишних 10 минут).

Однажды хозяин заставил всех рабочих прекратить работу, приодеться и итти на станцию, встречать проезжавшего „наследника“. Рабочие прождали на станции 2 часа, а „патриот“-хозяин заставил их эти 2 часа отработать в течении месяца.

К длинному рабочему дню и низкой плате здесь прибавились частые увечья, т. к. машины обтирались на ходу и не были ничем ограждены. Штрафы выросли безобразно и часто с‘едали ползаработка. Директор фабрики Кукк очень преследовал рабочих и у последних сложилось твердое убеждение, что на Берговской фабрике положение рабочего стало хуже, чем на Морозовской, хотя раньше было наоборот. Про ненавистного директора здесь даже сложили песенку:

„Наш Василий Яковлевич Кукк,
Произошел много наук,
И стал он больше понимать,
Как с рабочих шкуру драть“.

Кроме скверных условий труда, здесь были тяжелы и жилищные условия. Выстроенные хозяевами в 90-х годах каменные казармы были не лучше старых деревянных, времен 80-х годов. Тесные, душные комнаты без всякой вентиляции, с сырым каменным полом, были каторгой для рабочих и могилой для маленьких детей.

Все это вызвало забастовку в конце февраля, поводом которой было требование—не работать в пятницу на маслянной неделе. Указывалось, что рабочие Морозовской ф-ки в этот день не работают. Требование было пред‘явлено в среду, а в четверг к нему присоединились жалобы: на низкие расценки, запрещение пить чай в мастерской, отлучаться в рабочие дни даже в больницу, или на венчание, на похороны и т. д., на дурное отношение директора и мастеров. Решили бросить работу сперва часть ткачей, потом и остальные ткачи и ткачихи. Прядильщики изменили уговору и остались на работе. Тогда забастовщики двинулись на фабрику, чтобы „снять“ прядильщиков, но у дверей стояли еще ранее вызванные полицейские, встретившие рабочих кулаками. К вечеру присоединились к забастовщикам половина прядильщиков и катушницы, но затем опять вышли на работу и ткачи остались одни.

Вечером у ворот фабрики полиция стала разгонять кучки собравшихся рабочих, причем одного арестовали. Рабочие возмутились, отбили арестованного и избили полицейских.

Затем часть ткачей раз‘ехалась по деревням, а ночью полиция разносила всем об‘явления губернатора, с приказанием стать на работу, причем, утром, самолично выгоняла рабочих из квартир на фабрику. В конце концов всех ткачей рассчитали, а принимали на работу только женщин. В конторе при расчете сидел полицмейстер Киреевский, который неизменно заявлял рабочим: „Не твое дело рассуждать. Если я тебя высылаю, то сам директор не может принять тебя обратно“.

Наряду с забастовкой у Берга шло сильное брожение на ф-ке Морозова. В особенно резкую форму вылилось недовольство на Залогинской ф-ке. Здесь порядки царили ужасные, эксплоатация дохо-

дила до высшей степени. В конце января рабочие забастовали, но затем все стихло до 4 февраля. Накануне, выходя вечером с фабрики, рабочие решили не работать и потребовали: увеличения заработка, лучшего обращения мастеров и введения носильщиков основ, так как до сих пор 2—5 пудовые тяжести приходилось таскать самим рабочим, независимо от пола и возраста.

Утром рабочие пришли на ф-ку, но работать не стали. Администрация дала знать властям; из города приехали: фабричный инспектор, губернатор, прокурор и жандармский полковник. Рабочие хотели заявить им свои требования, но они не выслушали и все прошли в хозяйский дом. Это сразу повысило настроение. Раздались возгласы: „Вы к хозяину чай пить приехали, а с нами и говорить не хотите". Наконец, возбуждение со стихийной силой прорвалось и рабочие бросились ломать дома, машины в мастерской, пекарню, избивать мастеров и полицейских. Директор едва спасся, спрятавшись в погребе, а полицеймейстер, бросившийся усмирять, был сбит ударом кирпича. Перепуганное начальство отсиживалось в хозяйском доме, ни живо, ни мертво, целых 1½ часа. Наконец прибыли войска. Немногих защищавшихся поленьями и кирпичами рабочих схватили, большинство же разбежалось и „бунт" был „усмирен".

35 человек было арестовано и потом судились. Фабрика была остановлена на праздник. Многих выслали по деревням.

Из описаний обеих забастовок видно, что тверские рабочие 1902 года представляли далеко не то, чем они были несколько лет тому назад. Правда, еще много темноты и забитости было в тверском рабочем, но все же он заметно вырос. „В значительной части рабочих воспитался боевой дух, ненависть к полицейскому, царскому строю и его агентам, что сказалось хотя бы в смелом выступлении берговцев против полиции. Долгий опыт борьбы привел их к этому. Российские события этого и прошлого года не пропали бесследно для тверских рабочих и можно было бы привести ценные факты, доказывающие, что сознание враждебности интересов самодержавия и пролетариата и необходимости борьбы за политическую свободу проникает в здешнюю рабочую среду", писала „Искра" (№ 20).

Одним из „ценных фактов" несомненно следует считать факт того усиления социал-демократической организации, которое замечалось в то время в Твери,—факт сочувствия рабочих ее идеями, факт завоевания ею все большего влияния в рабочих массах.

Во время описанных забастовок организация не бездействовала. Члены ее, рабочие, вели агитацию среди рабочих, а в ночь с 8-ого на 9-е и с 9-ого на 10-е были распространены прокламации по поводу событий на Залогинской ф-ке, в которых социал-демократическая организация *впервые открыто заявила о своем существовании.* Прокламации висели на столбах, заборах и долго валялись на улице. Было замечено, что какие-то добровольцы из рабочих расклеивали их на вид-

ных местах. Вокруг этих мест собирались кучки рабочих, читали и соглашались с написанным. Листовки попали и в деревню, где на празднике рабочие читали их своим сельчанам. В листовках подчеркивался антагонизм рабочих и царского правительства, так ярко проявившийся в поведении властей во время беспорядков, указывалось на причину неудачи залогинцев, порицались такие формы борьбы за лучшее будущее. Прокламации были распространяемы еще осенью и на Морозовской ф-ке.

На рабочих они произвели сильное впечатление. Сами рабочие передавали: „Теперь везде идут толки об организации".

1-е мая 1902 года принесло не только собрания посвященные рабочему празднику, но и преобразование Тверской социал-демократической группы в **Тверскую организацию РСДРП** во главе с Тверским **Комитетом** РСДРП.

По поводу этого события тверские товарищи писали в особом листке: „С 1-го мая настоящего года Тверская группа РСДРП принимает название комитета. Этим шагом местная организация окончательно включает себя в состав большого организованного целого—РСДРП, из чего вытекает обязанность ее во всех своих действиях руководиться теми тактическими принципами, которые получили партийную санкцию,—право автономного решения только тех вопросов, которые носят исключительно местный характер. Таковы с принципиальной точки зрения последствия принятия группой формы комитета"... „В настоящее время,—пишут дальше тверские товарищи, русским социал-демократическим организациям нельзя ограничиваться простым заявлением о принадлежности к действующей в России РСДРП вообще. Неизбежные в каждом живом деле теоретические и практические разногласия создали раскол между борящимися под одним знаменем организациями и их литературными органами. Примирить эти разногласия, установить единую точку зрения на спорные вопросы и властным словом прекратить состояние партийной анархии—дело всей партии и ее компетентного органа—с'езда. Но пока это слово не сказано, всякая вновь возникающая в России организация должна хотя бы в краткой форме установить то или иное отношение к спорящим сторонам. Эту и только эту цель преследует настоящий листок. *Тверской комитет примыкает к програме „Искры" и считает ее освещение современных политических событий наиболее правильным* (курсив наш.—П. А.).

Задача об'единения партийных сил, ввиду мобилизовавшего все свои силы самодержавия, задача создания удовлетворяющего и качественно и количественно потребности момента—печатного органа, который разнес бы во все концы русской земли искры революционного пожара и стянул бы всех протестующих под красное знамя с.-д.—короче, огромная работа сплочения всех революционных сил для решительного натиска на русский политический строй и передачи ре-

волюционной гегемонии в руки русского пролетариата и его естественного руководителя—соц. дем. партии—вот насущное требование переживаемого нами момента. В своей деятельности среди рабочих Тверской комитет будет настойчиво подчеркивать политический момент. Он будет стараться использовать всякий случай, дающий возможность расширить политический горизонт рабочей массы, путем агитационных листовок, или летучей брошюры. Руководя рабочими в борьбе за чисто экономические требования, комитет будет указывать на недостаточность одной профессиональной борьбы... Относительно деятельности других оппозиционных слоев населения, комитет будет руководствоваться соображениями о наличии необходимых сил. Он берет на себя распространение нелегальной литературы среди местной интеллигенции. Всякий факт правительственного насилия и произвола, происшедший в районе его влияния, будет им оглашаться в своих партийных изданиях. Во всех тех случаях, когда поддержка его будет необходима, он поддержит посильно всякую попытку со стороны других оппозиционных групп“.

Как видно из приведенного, образовавшийся Тверской комитет был комитетом „Искровского“, „Ленинского“ толка. У тверских рабочих теперь были свои вожди и руководители в борьбе. В Твери сложилась организация боевой, истинно пролетарской партии и если в рабочих массах еще только начинало пробиваться сознание враждебности интересов самодержавия и пролетариата и необходимости борьбы за политическую свободу, то образовавшаяся организация пролетарской партии, представлявшая наиболее сознательный, закаленный в борьбе авангард тверских текстильщиков, поставила своей задачей углубить это сознание, сделать так, чтобы оно было сознанием всей широкой массы и повести рабочих к решительной борьбе с политическим гнетом самодержавия, стоявшего на пути освобождения пролетариата от экономического рабства.

В том же 1902 году представился еще один случай „подчеркнуть политический момент“. Этот „случай“ имел место на Тверском стеклянном заводе Курова.

Положение двухсот рабочих этого завода было особенно тяжело и, в устах обывателей, слово „стеклянщик“, было почти равносильно слову „золоторотец“. На Куровском заводе работали большею частью взрослые рабочие—мастера, но были и женщины и дети от 12-ти лет. Работая сдельно от 8-ми до 12 час., преимущественно бутылки, стеклянщик часто вырабатывал не больше 20 коп. в день, т. к. много посуды браковалось. Виною этому был, между прочим, плохой материал, вода, протекавшая через дырявую крышу, падавшая на горячую посуду и портившая ее, недобросовестная приемка и т. д. Условия труда были ужасны. Завод представлял из себя грязный сарай, где без помехи гулял ветер, а так как работа происходила при невероятной жаре, то рабочие очень часто простужались. Летом все рабо-

чие раз 5—6 в день купались в маленьком прудике около завода. Отравленный нефтью, этот прудик не годился даже для полоскания белья.

Платили только за бутылки не забракованные хозяином, остальные считались браком и шли в так называемый „третий сорт", подлежащий уничтожению. Но этот „третий сорт"—не уничтожался, а продавался и давал хозяину барыши, отнимая часть заработка у рабочего. На этой почве вспыхнуло брожение. Рабочие заявили 2-го июня, что отказываются работать „третий сорт", но 3-го июня все-таки пошли на работу.

Каково же было их удивление, когда завод оказался окруженным полицией! Рабочих обвинили в забастовке, а когда один рабочий сказал, что все идут на работу, полицеймейстер Киреевский сбил его с ног ударом кулака и кричал, что „теперь он—управляющий заводом". Рабочих оцепили, арестовали и 110 человек отправили в тюрьму, а затем и „на родину". Через некоторое время все высланные были приняты снова на работу.

Тверской комитет выпустил по поводу этого „случая" отдельную листовку, где указывал на царящий в России полицейский произвол; рабочие призывались к борьбе с самодержавием. Листовку читали по городу и она вызвала общее сочувствие. „Случай", несомненно, содействовал тому, что многие из тверских рабочих стали активными врагами самодержавия.

VI.

Расцвет социал-демократической организации.

Первомайская забастовка 1903 года.

С 1903 года Тверская социал-демократическая организация переживает время своего наибольшего расцвета.

Насколько она окрепла, насколько выросла вширь ее работа, видно уже из отчета Тверского комитета за 1902 год („Искра" № 43). По отчету кассы видно, что приход составляет 1225 руб. 49 коп. и расход 1219 руб. 43 коп.—суммые солидные для пролетарской организации того времени, к тому же находившейся в глубоком подполье. В расходах организации первое место занимает помощь безработным (436 руб. 50 коп.), затем идет графа „на литературу" (324 р. 58 коп.), и на „конспиративные расходы" (207 р. 60 коп.), „на технику" (144 р. 67 коп.), „разные расходы" (207 р. 66 коп.). В том же „отчете" перечисляются изданные за год листовки—всего 9300 экземпляров; кроме того упоминаются „Искра", „Южный рабочий", „Красное Знамя", брошюрочная литература—всего около 4-х пудов. 9300 листовок и 4 пуда брошюр—количества опять таки солидные для того времени. Как видно из отчета, издававшиеся организацией листовки

касались самых разнообразных тем и предназначались для разнообразных общественных слоев. Здесь и листовки по поводу забастовок, и по поводу различных политических событий, как настоящего так и прошлого (14 декабря, 1 марта, 19 февраля, и пр. пр.), и листовки, обращенные к крестьянству и к армии, к учительству и интеллигенции. Обещание, данное комитетом, что организация будет работать всюду и поддерживать оппозиционное движение „других оппозиционных групп“ было выполняемо в 100%.

Этому содействовала работа интеллигентных сил организации, наличие квалифицированных литературных работников, агитаторов, пропагандистов. Имея большую часть своих членов в рабочих массах, на фабриках и заводах, организация располагала в то же время достаточной группой революционных интеллигентов—студентов, бывших студентов, врачей, служащих земства, больницы (земской) и т. д. В то время, как рабочие активно работали на фабриках, руководя там непосредственно рабочим движением, повседневной борьбой рабочих, интеллигенция главным образом обслуживала организацию в деле писания листовок, статей, выработки программ пропаганды и агитации, разработки различных конспектов, пропагандистских выступлений. Но, конечно, не нужно думать, что это разделение работы выражало какое-либо различие в положении рабочих и интеллигентов в организации. Нет, оно складывалось само собой в повседневной работе и тогда, когда это было нужно, каждый выполнял любую работу, порученную ему организацией. Интеллигентов и наиболее активных работников, стоявших во главе организации, всячески оберегали от лап полиции, чтобы не остаться без руководителей.

Строение организации было таково: Тверской комитет об'единял под своим началом все кружки на территории г. Твери и уезда. В к-т с начала его образования входили: Гусев, Александровский, Вас. Панов, Вислоух и Александр Смирнов (кличка „мудрый“, „Робеспьер“). На последнего выпадала главная часть организационной работы. В жандармских документах А. П. Смирнов изображается как „посредник между комитетом и кружками“. В этом полицейском определении есть доля истины. Будучи наиболее развитым, наиболее сознательным и закаленным рабочим социал-демократом, он входил в комитет, но все свое время проводил на фабриках, являясь главным организатором и руководителем кружков, связывая последние с комитетом, являясь одним из главных винтиков большой машины организации. Конечно, организационную работу несли и остальные члены комитета.

Организационная связь между кружками и комитетом была закреплена институтом организаторов кружков, руководивших ими повседневно. Наиболее активными членами организации из рабочих, в большинстве своем руководителей кружков в Твери, являлись: Игнатьев Арсений („Дед“), Лебедев Н. (Помойкин), Мальков Н., Некра-

сов Макар, Гагин Иван, Котомкин, Башлыков, Куликов Н., Кокунов Александр, Склизков Дм., Чесноков Арс., Чеснокова Ал., Дулишкины братья—Павел и Яков, Гаврилов, Петров Мих., Богатов, Карпов Ал., Волков Пав., Камелов, Каширин Дм., Антипов И., Давыдов С., Жарков А. И., Кудаков и др.

По мере роста количества кружков, город Тверь делится на районы. В 1904—1905 г. их насчитывается четыре. Представители кружков каждого района об'единялись районным организаторским собранием, где под руководством комитетского организатора обсуждались районные дела. В каждом районе имелась партийная библиотека и пропагандистские кружки, где из рядовых членов организации вырабатывались пропагандисты.

В кружках велась интенсивная пропагандистская работа. Она всегда заключалась в раз'яснении партийной программы. Вопросами текущего момента в кружках занимались очень редко, так как пропагандисты считали нужным дать каждому члену кружка прежде всего теоретические познания, чтобы затем уметь подходить к разрешению текущих политических вопросов.

Партийная программа проходилась как в кружках низшего типа, так и высшего типа—кружках пропагандистских, с тою лишь разницею, что в последних занятия носили более практический характер.

Таким образом, пропаганда в кружках не только поднимала уровень сознательности рядовых членов организации, но и давала пропагандистов, предназначавшихся для пропаганды в новых кружках.

Необходимость в новых пропагандистских силах особенно стала сказываться в 1904—5 годах, когда в кружках занималось до 100 человек и выражали желание еще 400. В связи с окончанием работы в пропагандистских кружках, Тверским комитетом предполагалось тогда, за одно лето 1905 года, провести через кружки низшего типа 200 человек.

Наряду с пропагандой велась и агитация. Вопросы текущего политического момента обсуждались на сходках, устраивавшихся порайонно, причем на этих сходках участвовали, главным образом, „организованные“, т. е. члены организации. Агитацию среди беспартийных вели повседневно рядовые члены кружков—рабочие.

Партийная работа широко захватила и деревню, особенно Тверской уезд, где она велась самим комитетом. Тверской рабочий очень часто уходил на праздники в деревню, а деревенские леса и поля хорошо укрывали от глаз полиции. Там работа велась преимущественно среди молодежи, в огромном своем большинстве работавшей на фабриках. Организовывались кружки, при чем весь уезд, как и город, был разбит на районы, которых насчитывалось четыре. Здесь устраивались также районные сходки. В 1905 г., в связи с ростом деревенской организации, подумывали об образовании деревенских партийных комитетов, но останавливались перед отсутствием в деревне пар-

тийных сил, которые могли бы организационно руководить работой. Не отвечали этой задаче в большинстве своем и деревенские районные собрания.

С 1903 года начинают возникать социал-демократические организации и в других уездах Тверской губернии. В Торжке возникает кружок социал-демократов, главным образом, из местного учительства, который ведет с.-д. работу среди местных крестьян. Вообще, по количеству крестьянских социал-демократических кружков, Новоторжский уезд был вторым после Тверского.

Возникали социал-демократические группы в Красном Холме, Кашине, Бежецке—все, главным образом интеллигентские. В 1905 г. в Кимрах создается с.-д. группа, которая скоро была передана Тверским комитетом Московской окружной организации. Главным организатором и руководителем группы, в которую входили рабочие, был кимрский рабочий Гладилов. Эта группа вела работу среди рабочих железнодорожных мастерских и мелких местных фабрик обуви, где руководила забастовочным движением, особенно широко распространившимся в 1904—1905 годах. Все эти организации постепенно связываются с Тверским комитетом. Последний снабжает их нелегальной литературой, которая начинает попадать в самые далекие и тихие уголки губернии.

Выросшая и окрепшая партийная организация развивает широкую работу в массах, особенно в рабочих массах Твери и Вышнего Волочка. На первое мая 1903 года Тверской комитет выпускает листовки. Распространяются как листовки организационного комитета РСДРП, так и тверского комитета, всего до 7.000 экземпляров. Эти листовки вызывают брожение среди тверских рабочих и забастовку среди вышневолоцких. Последняя, будучи подготовлена тяжелым положением рабочих, вспыхнула, как только призывы к борьбе попали в рабочую массу.

„Как—спрашивала организация в своих листовках—и сегодня, товарищи? Сегодня, в день 1-го мая также стоите вы у станков, вы, живые слуги мертвых слуг хозяина—машин? И в этот день пришли вы, замученные люди, еще не отдохнув после вчерашнего трудового дня, после многих тяжелых рабочих дней"? „Сегодня—заявляется в листовке—мы выступаем перед врагом, как целая армия. Сегодня наш рабочий праздник, праздник борьбы. Так станем же в ряды! Потребуем вместе с другими 8-ми часовой рабочий день для всех стран! Потребуем отдельно от других политической свободы для нас. Долой самодержавие царя! Да здравствует самодержавие народа! Да здравствуют рабочие депутаты будущего русского парламента! Да здравствует борьба за социализм! Да здравствует майский праздник!—На улицу!".

Эти листовки произвели огромное впечатление на рабочих. Под влиянием призывов—1-го забастовали прядильщики Прохоровской М-ры, 2-го—ткачи фабрики Рябушинского.

Листовки послужили толчком к выступлению тверских рабочих. Здесь также заговорили о забастовке. Комитет выпустил тогда особую листовку к берговским рабочим, особенно волновавшимся. Однако, полиция набила все корпуса фабрики городовыми. „От станка не давали отойти"—передавали рабочие. Поэтому забастовка в Твери не состоялась. Листовки попали и в Новоторжский уезд, на писчебумажную фабрику Кувшинова, где также пользовались большой популярностью.

Вышневолоцкие текстильщики, забастовав, решили не уступать хозяевам в своих требованиях. До 4-го мая они собирались на площади перед фабрикой и, не подпуская полицию, сообща вырабатывали требования. А этих требований накопилось много.

Прежде всего, вышневолоцкого ткача угнетали крайне низкие расценки. Сильно пониженные в 1899—1903 г.г., благодаря кризису, они повышались очень медленно, несмотря на то, что с 1903 г. кризис кончился и для фабрикантов наступило время „хороших дел". Это, главным образом, и вызывало возмущение рабочих.

Вслед за низкими расценками шел длинный рабочий день. Вследствие разных ухищрений капиталистов, 11½ час. рабочий день не соблюдался и работали 12 часов в сутки.

Прохоровских рабочих угнетали условия труда. На этой фабрике действовал „увлажнитель", вгонявший в помещение воздух—влажностью 90°. При 22° температуры воздух в фабрике увлажнялся на 40—50%. Но это, способствуя производству, не устраняло сильной жары, стоявшей на фабрике, благодаря бешеной скорости машин, делавших 10.000 оборотов в минуту. Жара достигала зимой при 15° холода—38° жары по Цельсию, а летом—до 42° *). Температура резко менялась в зависимости от погоды и рабочим было то жарко, то холодно, причем, вследствие увлажения, с потолка капала то горячая, то холодная вода. Можно было ввести сетки для устранения тепла, но это было „дорого" для фабрики. Рабочие, когда было очень жарко, отворяли форточки, но это мешало увлажению и форточки им открывать запретили. Это и вызвало жалобы рабочих. Дальше было требование кипятку и др.

На ф-ке Рябушинского очень притеснял рабочих, и особенно работниц, директор Ганишин—рабочие требовали его убрать.

Все эти требования были записаны сообща рабочими и, так как в Вышний-Волочек приехал губернатор, решено было их ему пред'явить. Это поручили рабочему **А. Медову,** причем—во избежание всяких для него неприятностей—рабочие дали свои подписи под требованием—до 300 подписей. Но губернатор не стал разговаривать с рабочими. Последние продолжали забастовку и твердо стояли на своем. Социал-

---

*) Данные взяты по показаниям директора фабрики Ахумова, имеющимся в „деле о беспорядках на фабрике Прохорова и Рябушинского в Вышнем Волочке", которое имеется в Тверском архиве.

демократическая организация, как Вышневолоцкая, так и Тверская, руководили рабочими. Вышневолоцкие рабочие социал-демократы— А. Медов, Голубев, Пакшин, В. и И. Сладковы, П. Смирнов, В. Антонов, С. Балинов, находясь среди рабочих, убеждали их держаться— „стоять дружно, на работу не выходить", говорили они. А когда забастовщикам был об'явлен рассчет, рабочие выбросили лозунг: „рассчета не брать". Вышневолоцкие социал-демократы держали связь с Тверью, откуда приезжал представитель. Скоро полиция начала действовать. 7-го мая были арестованы „зачинщики", т.-е. наиболее активные рабочие, руководившие стачкой,—в большинстве члены местной с.-д. организации—всего 14 человек. Но это не прекратило забастовки, она продолжалась.

10-го мая пришла весточка от тверских рабочих. Тверской комитет РСДРП писал в своей листовке: „Тверские рабочие шлют вам свой братский привет", и призывал стоять твердо и требовать: 1) удалить с фабрики войско и жандармерию, 2) ввести 9-ти часовой рабочий день, а под праздник—8-ми часовой, 3) повысить заработную плату на 20%, 4) отменить штрафы, 5) ввести вежливое обращение, 6) установить отчетность в штрафном капитале, 7) устроить библиотеки, 8) уволить директоров Горожанского и Ганишина, 9) для прядильщиков восстановить расценки 1901 г., 10) изменить меру куска, и др.

Появление листовки влило новую бодрость в рабочих и укрепило их в решении держаться до конца.

Забастовка продолжалась и фабриканты пошли на некоторые уступки. 12-го мая директор Прохоровской ф-ки Ахумов вывесил об'явление, в котором приглашал на работу. Он заявлял, что отныне для ставельщиков отменяется сматывание ровницы и от них будут приниматься катушки с ровницей не более одного ряда, форточки могут быть открыты по желанию рабочих, во всякое время, отпуск кипятку для заварки чая будет часом раньше, перерыв на завтрак переносится с 8 час. утра до 7 час. веч. В об'явлении на ф-ке Рябушинского говорилось, что расценки остаются старые, введенные до пасхи, а для ткацкой—об'явленные 13 декабря 1897 г. Все это были уступки, далеко не удовлетворявшие рабочих. 14-го мая появились новые листовки „Северного Рабочего Союза", где рабочие призывались стоять твердо, пока не будут удовлетворены все их требования и не будут освобождены арестованные товарищи.

Затянувшаяся забастовка продолжалась до 19—20 мая, когда прохоровские рабочие вышли на работу. Начали работать и рабочие Рябушинского.

Но 22-го мая прохоровцы снова забастовали, так как директор снял об'явление об уступках. Вторая забастовка не могла долго продолжаться. Рабочие были сильно истощены за время первой. На почве голода замечались случаи цынги среди рабочих.

Так закончилась 3-х недельная Вышневолоцкая забастовка, начавшаяся 1-го мая. Битва была проиграна, но была доказана стойкость рабочих, их готовность бороться с капиталом.

1903 год был отмечен также событием в Твери на Берговской ф-ке. Плохое отношение администрации к рабочим вызвало здесь покушение ткача Логина на жизнь директора ф-ки Кукка. Выведенный из себя претеснениями, штрафными и угрозой перевести с двух станков на один, что уменьшало его заработок, Логин запасся револьвером и 3-го марта, когда Кукк проходил ряды станков, выстрелил в него. Директор был ранен в плечо, а рабочий сам явился в участок и заявил о своем покушени. Он был схвачен, судим и был оправдан окружным судом. Это покушение взволновало рабочую массу, но оно, разумеется, не было примером борьбы с капиталом. Тверская организация РСДРП выпустила листовку, в которой заявляла, что не разрозненными выступлениями отдельных рабочих, а только массовой, организованной борьбой рабочие смогут улучшить свое положение. Рабочие соглашались с листовкой и она имела большой успех.

VII.

«Провал» 1903 года.

Быстрому расцвету социал-демократической организации сопутствовали усиленные преследования полиции. Обыски и аресты социал-демократов в Твери имели место и ранее, но все это было ничто, по сравнению с диким набегом полиции в ночь с 12 на 13 и с 13 по 16 августа 1903 г. Теперь жандармы подкапывались под весь Тверской комитет партии и им удалось арестовать некоторую его часть.

Из „дела“ Московской судебной палаты „О Тверском комитете РСДРП“, между прочим, видно, что арест был подготовлен провокацией со стороны нескольких членов организации, состоявших „филерами“ у нач. Тверск. жандарм. управления, полковника Уранова—грубого и недалекого жандарма. Фамилии этих предателей—Жуков, Московкин и Чуркин,—все рабочие. Они не вели активной работы в организации, но числились в ней и до некоторой степени были в курсе партийных дел. Нужно отдать справедливость Тверской охранке—она умела выбирать людей для провокации. Она выбирала наименее стойких и убежденных, слабых характером членов организации. Такими были упомянутые трое. Они принадлежали к людям мало сознательным и к тому же сильно злоупотребляли алкоголем. За известную плату, они ходили к Уранову и давали „сообщения“.

Таким образом, за наиболее активными работниками следили и скоро для Уранова представился случай начать аресты. Числа 8—10 августа полиция арестовала Жукова, а затем Московкина и Чуркина в трактире, где они в пьяном виде кричали: „Долой самодержавие,

долой полицию“ и т. д. При аресте в их карманах были найдены прокламации Тверского комитета, причем арестовавшим их городовым они угрожали и говорили, что Уранов их выпустит, а тех, кто их арестовал, прогонит с места. После этого, в ночь с 12 на 13 августа и позднее, произошли аресты многих членов организации. Были арестованы—Александровский, Смирновы Михаил и Александр, Казанский, Соболевский, Митягин, Буш, Костецкий, Ливерганг, Буланов, Каширин, Карпухин, Антонов, Башлыков, Дулишкин, Н. Завьялов, А. Воронов, Андреев, Кувшинская, Мечникова, Потоцкая, Вислоух, Купяева, Чекапов, Секирин, М. Толстиков, В. Панов, Рагозин, секретарь губернского земства Апостолов и, кроме того, провокаторы—Чуркин, Жуков и Московкин,—всего более 30 человек. Задержаный на квартире Гусев (член комитета), во время обыска, сумел выбросить в окно прокламации и бежать. Он затем эмигрировал в Швейцарию, откуда больше не возвращался и где впоследствии умер.

Это был, действительно, жандармский набег. Людей хватали на улицах, в домах, днем и ночью. Под арест попали частью люди совершенно не причастные к организиции, как напр., старик—секретарь управы Апостолов, присяжный поверенный Соболевский и др. Уранов добрался и до председателя земской управы фон-Дервиза, так как полагал, что земство—центр революции и крамолы. Были это посторонные счеты, или тупоумие слишком ретивого жандарма—сказать трудно, но во всяком случае, земство фигурирует в „Деле о тверском к-те Р.СДРП“, хотя земские деятели были только либералами и по убеждениям не имели ничего общего с социал-демократами.

Арестовав много людей, Уранов, однако, слишком поспешил. Он не сумел подготовить дело. Чуркин, Московкин и Жуков „показывали“ на каждого, при чем не жалели красок и лжи, лишь бы послужить своему господину. Но путанные показания людей, задержанных в пьяном виде и к тому же „филеров“, не могли быть основанием для обвинения на суде. Были еще вещественные, доказательства найденные при аресте—запрещенные книги, брошюры, газеты, но всего этого было мало, чтобы твердо установить для каждого принадлежность к партии и степень участия в „преступном сообществе“. Таким образом, из-за формальных препятствий дело затянулось. К тому-же, между „военным“ Урановым и прокурором (оба они вели дело) начались трения. Прокурор посылал на Уранова доносы в Москву, обвиняя его в беззтактности, неумении вести дело, в грубых приемах и т. д., Разговор доходил даже до „оскорбления юридического ведомства“, со стороны Уранова. Так, имелись несколько сил, тормозивших расправу, с арестованными. Во-первых, поспешность Уранова и вытекавшая отсюда недостаточность улик, во-вторых, взаимные нелады, стремление помешать друг другу—у прокурора и Уранова, в-третьих—общая политическая обстановка, затруднявшая расправу „по домашнему“.

В конце концов вмешалась Московская судебная палата, отстранила Уранова и прокурора и взяла расследование в свои руки. Но и это не ускорило дела. Начатое в 1904 г., оно продолжалось до 23 марта 1905 г., когда было прекращено Тверским губернским совещанием.

По поводу необходимости прекратить дело, Моск. жанд. управл. писало в Тверь, что „главное доказательство, послужившее для привлечения целого ряда обвиняемых, при более подробном и осторожном рассмотрении дела, возбуждает крайнее сомнение в своей достоверности, и представляется совершенно недостаточным для предания суду лиц, оговоренных Жуковым, Чуркиным и Московкиным“. Несомненно, что прекращению дела содействовала и развертывающаяся революция 1905 г.

Еще до окончания дела большая часть арестованных была выпущена на поруки, или под залог. Таким образом, арест, оторвав на время от работы ряд руководящих членов Тверской организации, все-же не затронул низовой, массовой рабочей организации, не ликвидировал и всего комитета. Организация сильно не пострадала и ее работа не прекращалась. На другой же день после ареста, Тверской комитет выпустил листовку, в которой призывал всех на борьбу с самодержавием, т. к. все заинтересованы в уничтожении полицейского произвола.

После ареста 13 августа, работа полиции и охранки продолжалась. Скоро сказалось присутствие новых провокаторов в организации.

15 Ноября 1903 г. Тверск. губ. жанд. управл. было начато новое „дело о преступных кружках, организованных среди фабричных г. Твери **И. И. Егоровым**“. В этих кружках, составлявших лишь небольшую часть большого целого, оказались провокаторами рабочие *М. И. Швецов* (17 лет) и *П. Волнухин.* *) Швецов в своих показаниях говорит, что еще два года тому назад он познакомился с нелегальной литературой, которую ему давал тогда читать ткач Берговской фабрики А. И. Богатов. „Я все это читал—говорит Швецов—но не могу сказать, чтобы на меня это производило впечатление, а затем весь этот бред о несбыточном вселил во мне убеждение, что распространители очень вредят спокойной жизни доверчивой фабричной молодежи“.

Рабочий из мещан г. Твери Швецов, как видно, не тяготел к организации. В сентябре 1903 г. И. И. Егоров („Фома“), энергичный и преданный партиец предложил Швецову подыскать конспиративную квартиру, не подозревая о его помыслах. Швецов согласился, а самую квартиру подыскал И. И. Соколов, причем для состава квартиры решили пригласить стоявших вне всяких подозрений полиции П. Волнухина и В. Кондратьева. „Фома“ привел интеллигентку „барышню“,

*) Что касается **Волнухина**, то, судя по ряду воспоминаний старых работников и участников его убийства, вопрос об его предательстве нуждается в пересмотре. Имеется много оснований думать, что он был просто **подведен** провокатором Швецовым, будучи сам невиновным. Во всяком случае, история с предательством Волнухина темная. **Тверской Истпарт.**

которая стала заниматься с кружком. В кружок входили: Швецов, Волнухин, В. Кондратьев, Алексей Иванов, Богатов, С. Степанов, Царьков, А. Каурин, и В. Иванов,—все рабочие.

„Я и Волнухин—показывает Швецов,— скоро заметили, даже сразу как поселились на квартиру, что мы не сочувствуем делу, т. к. видим, что эти разговоры очень волнуют рабочих. Однажды, поговорив, мы решили выдать всю эту организацию властям. С этой целью я пошел сначалу к ротмистру Шербовичу. Вечером он послал меня к полковнику Уранову предложить свои услуги, а затем я привел с этой целью и Волнухина“.

Им обоим Уранов поручил следить за кружками. В своих показаниях Швецов рассказывает далее о кружке женатых рабочих на ф-ке Берга, где он знает—А. П. Вагжанова, Илью Куканова, Кириллова, Гусарова, Ив. Горбатова (Груздкова). Но слежка обоих друзей продолжалась не долго. У членов организации возникли подозрения на Волнухина и он был убит ночью, когда шел огородом домой, одним из членов организации. Швецов, который подозревал что то неладное, к счастью для него; не пошел на этот раз вместе с Волнухиным, иначе и его постигла бы участь товарища по „делу“. Убийство Волнухина заставила Уранова действовать и все известные жандармам члены кружков были „привлечены“. Отметим кроме Швецова еще несколько провокаторов, фамилии которых мы нашли в „записке о революционном движении в Твери“ Уранова. Кроме Жукова, Чуркина, Московкина, освобожденных из тюрьмы, Уранов называет: 1) Андрея Лазарева, состоявшего в первом с.-д. кружке в Твери в 1898 г.—99 г.г. 2) Михаила Ивановича Толстикова—тоже одного из первых с-д в Твери. 3) Н. Казакова, чиновника земской управы. 4) Его сына Казакова-второго. 5) М. Н. Петриса, служащего земской управы. Тверская охранка продолжала свою „деятельность“.

VIII.

Забастовка 1904 г. Первая политическая демонстрация г. Твери.

Начавшаяся в 1904 г. Японская война, окончательно толкнула массы на революцию против прогнившего и разлагающегося политического режима.

Война делала жизнь все более невыносимой для широких трудящихся масс и то общее политическое оживление, которое началось с 1901 г. все усиливалось, выливаясь в форму общего недовольства и брожения.

Прежде всего, в 1904 г. проходит ряд забастовок и волнений рабочих. Забастовки имеют место и в Твери. Здесь в начале 1904 г.

вспыхивает „бунт“ на Морозовской ф-ке, затем забастовка на Русско-Балтийском заводе.

Для забастовки морозовцев было достаточно самого пустячного повода. 19 февраля помощник директора „ситцевой“ выбросил на пол и растоптал ногами картофель, принадлежавший двум рабочим набивного отделения. Рабочие возмутились, тем более, что проработать без еды 6 и более часов было, действительно, трудно. Собрались человек 30 и в качестве депутатов отправились к директору фабрики Сахарову, полагая пред‘явить ему некоторые требования, наболевшие у рабочих. Потребовали кипяток для рабочих. Сахаров заявил, что без хозяина (Морозова не было в Твери) он ничего сделать не может. На другой день несколько десятков человек опять отправились к конторе и потребовали фабричного инспектора. Последний явился и дал тот же ответ, что и Сахаров. После обеда группа наиболее сознательных рабочих об‘явила стачку, выставив требования: кипяток для ситцевой фабрики и, в связи с этим, уменьшение рабочего дня на 1 час. Тотчас вся масса бросила работу и высыпала на двор. Часть разошлась по домам, часть осталась ждать вечернюю смену. Сознательные рабочие предупреждали товарищей от погрома и частью тоже разошлись. Прибыла хозяйка Морозова. Эта „благодетельница“ заявила, что она тоже ничего сделать не может и удалилась. Находившийся на фабрике пристав Заруцкий стал покрикивать на рабочих, приказывая разойтись. На полицейскую ищейку сначала посыпались угрозы, а потом полетели палки и камни. С этого момента и начался „бунт“. Заруцкого, сильно побитого, увезли куда-то в больницу. Побили и остальных „чинов“, находившихся на фабрике. Часть полиции, испугавшись, заперлась в главной конторе. Подростки лет до 16 начали бить стекла в механическом отделении. Молодежь постарше гикала и свистала. Взрослые все разошлись. После механического отдела выбили стекла почти во всех нижних окнах фабрики. Стремились вызвать на забастовку всю фабрику. Это удалось. В 8 час. все 15 тысяч рабочих высыпали на улицу. В $8^{1}/_{2}$ появилась кавалерия, но было уже поздно—все разошлись.

21-го февраля Тверской комитет РСДРП выпустил листовку, где призывал рабочих к борьбе с хозяевами и правительством, но такие формы борьбы, как битье стекол, порицал. В листке были записаны требования: 1) восьми-часовой рабочий день, 2) увеличение заработка на 50%, 3) вежливое обращение, 4) отмена обысков, 5) удаление мастера Маркова и директора Балашева, 6) хорошая основа для ткачей, 7) кипяток для всей фабрики, 8) облегчение труда в ситцевой. Листовка оканчивалась призывом: „Долой самодержавие! Долой капитализм! Да здравствует социализм!“.

23-го числа рабочие ситцевой фабрики были рассчитаны. 24-го вновь стали набирать на работу. Все пошли работать, не заявляя никаких требований. „Замеченных“—(300 человек) не приняли на фаб-

рику, а остальных оштрафовали за „бунт“ по 5 коп. каждого. Листки, вновь выпущенные комитетом и призывавшие к стачке, не вызвали отклика. „Забастовка теперь не во-время“, говорили ткачи: „нет хлеба для себя и корма для скота, да и пасха близко“. Таким образом, забота о деревенском хозяйстве сказалась на забастовочном движении морозовцев. Стихийно вспыхнув, стачка не могла выдержанно и организованно продолжаться и, конечно, не имела успеха, но она несомненно показала, как много горючего материала накопилось в рабочей массе.

Рядом с Морозовской началась забастовка рабочих Русско-Балтийского завода (3000 человек). 21 февраля столярный цех оставил работу и потребовал, чтобы убрали мастера Кремчера и ввели новые расценки. Листовки Тверского комитета здесь создали почву для стачки и 25-го утром стал весь завод. Рабочие пред‘явили требования, имевшиеся в листовках: отмена штрафов, обысков, устройство библиотеки, школы, бани, вежливое обращение, изменение расценков по соглашению с рабочими, вывешивание расценков по цехам, выборы рабочими бригадиров, выдача больничных денег по первому требованию, окончание работы под праздники в 2 часа и др. Расходясь, рабочие потребовали удаления солдат и полиции с завода, грозя иначе „бунтом“.

На следующий день администрация, чтобы сорвать стачку, вздумала привезти 200 человек штрейкбрехеров. Их встретили камнями, избили. Администрация погрузила их всех в вагоны и отправила на станцию. 26-го февраля от губернатора об‘явили рассчет всем забастовщикам. Тогда на сходке организованных, т. е. социал-демократов вагонного завода, было решено—не брать рассчета. Но это в конце концов не удалось, рабочие за рассчетом пошли, т. к. иначе пропали бы „сдельные“ деньги. 4-го марта стали набирать снова рабочих. Многие раз‘ехались по деревням, но часть пошла работать. Так неудачно кончилась забастовка Тверских металлистов.

Однако, обе забастовки внесли некоторое оживление в местную жизнь. Это оживление было усилено первой политической демонстрацией, устроенной наиболее сознательными рабочими социал-демократами под руководством Тверского комитета.

22-го февраля, в половине 12-го, толпа рабочих, собравшаяся на „толкучем рынке“, выкинула красные флаги и с пением—„Смело, товарищи, в ногу“, направилась к губернаторскому дому, находящемуся неподалеку. Там на площади было назначено произнесение речей. Но в это время случайно проходил отряд пехоты и демонстранты, боясь быть арестованными, повернули обратно на „толкучку“. На всем пути не прерывалось пение революционных песен, крики—„Долой самодержавие, долой войну!“, развивались красные флаги, разбрасывались листовки Тверского комитета.

Демонстрация произвела большой переполох среди мелких лавочников, которые бросились закрывать свои лавочки и бежать от де-

монстрантов, хотя им кричали, что здесь идут „не лавки громить, а свободы добиваться". С рынка демонстранты повернули на Тьмацкий мост. Итти на „Миллионную", к губернаторскому дому—было опасно: там скоро появились солдаты и жандармы. Когда они показались, организаторы дали знак разойтись: знамена были сняты с древков и демонстранты разбежались.

Демонстрация произвела большое впечатление на всех. Красные флаги на Тверских захолустных улицах, были чем-то необычайным, в то время полицейского самодержавного гнета.

Смелое выступление сознательных рабочих, которые „свободы добиваются", показывало, что Тверской рабочий уже далеко ушел по своему политическому сознанию и развитости.

Тверской корреспондент писал в „Искре": „Бунт" ситцевой фабрики, первая в Твери политическая демонстрация, дружная стачка вагоно-строительного завода,—все эти события всколыхнули застоявшееся болото нашего захолустья, заставив говорить о себе и город, и деревню, и рабочие массы. Теперь все убедились, что наши ряды, ряды борцов за политическую свободу, за человеческое счастье—не фикция, а факт. Теперь все убедились, что социал-демократы, у нас в Твери—представляют из себя силу, силу сорганизованную и революционно-настроенную".

Действительно, Тверская социал-демократическая организация, несмотря на преследования полиции и аресты в 1903 г., представляла из себя силу достаточно крепкую и пустившую корни в рабочие массы.

Широкая работа организации продолжалась в 1904 г. не менее интенсивно, чем в 1903 г., что видно из отчета Тверского комитета за время с 1 мая 1904 г. по 1 мая 1905 г. Приход касс организации составлял за это время 1832 р. 47 коп., расход—1904 р. 84 коп., т. е. сумму, не меньшую, чем в 1903 г.

Организация неустанно будила политическую мысль рабочих и крестьян, неустанно вела свою работу по расширению политического кругозора трудящихся.

Руководя забастовками рабочих, проводя усиленную работу в рабочих кружках, организация стремилась захватить своим влиянием крестьянство и армию. Среди солдат велась социал-демократическая пропаганда и распространялись листовки, главным образом, о войне. Эти листовки („Война против войны", „Для чего должен умирать русский солдат" и пр.) распространялись также среди крестьянского населения, в связи с происходившими мобилизациями на войну. Работа организации в крестьянстве находит широкий отклик. Крестьянство пробуждается от долгой спячки. Прокламации жадно читаются.

В деревне не редко можно было услышать пение революционных песен. У крестьян имелись часто свои прокламации, написанные от руки и разоблачавшие похождения местных попов и кулаков-миро-

едов. Во главе революционного движения стоит, конечно, местная молодежь, в значительной части побывавшая на ф-ке. Именно те уезды, откуда больше всего выходцев в город—на ф-ки, (как например, уезды Тверской, Новоторжский, В.-Волоцкий), дают наибольшее революционное оживление.

В обстановке этого оживления и повседневной работы, Тверская организация не забывает сказать свое слово и о тех разногласиях, которые существовали тогда в РСДРП, о своей принципиальной политической и тактической линии. Мы уже указывали, что образовавшийся в 1902 г. Тверской комитет РСДРП примкнул к позиции Ленинской „Искры“, по вопросам организационного строительства партии и задач ее в переживаемый момент.

Свое отношение к организационным вопросам и к борьбе меньшевиков и большевиков после второго с‘езда партии (1903 г.), организация высказывает в следующем письме в „Искру“ (№ 60): „Мы вполне разделяем тот взгляд Центрального Органа, что, в интересах партии, необходимо, чтобы все организации свободно и решительно высказали свое положительное или отрицательное отношение ко всем событиям партийной жизни и, в частности, по всем действиям партийных „властей“ и при первой возможности приступаем к делу *).

Мы считаем необходимым указать, что первый пункт организационного устава совершенно не удовлетворителен т. к. дает возможность проникнуть в нашу партию нежелательным элементам, могущим внести в нее буржуазные тенденции и посеять в ней семена раскола **). Давая такую оценку § 1 устава и находя, что весь устав во многих частях редактирован довольно неудовлетворительно, мы делаем это лишь для сведения будущему с‘езду.

Вообще же, поскольку мы осведомлены о положении местных дел и русской действительности, находим, что в настоящее время для проведения в жизнь решений 2-го с‘езда и создания партии, наиболее приспособленной к борьбе с правительством при современных условиях, необходимо принять строго централистский тип организации, которому более соответствует план т. Ленина. Затем, исходя из того положения, что различие мнений во всякой партии может

*) Напомним вкратце некоторые моменты из истории партии. На 2-м с‘езде, Ц.К. был выбран большевистский. „Искра“ с *№ 46* стала выходить как Ц.О. партии, но работали в ней лишь Ленин и Плеханов, т. к. Мартов, Потресов, Засулич и Аксельрод, входившие ранее в редакцию „Искры“, теперь отказались участвовать в ней („генеральная стачка генералов“—по выражению Плеханова). В конце концов Плеханов не выдержал и решил пригласить ушедших из редакции меньшевиков. Ленин на это не согласился и предпочел уйти из редакции. *С № 25 „Искра“ принимает меньшевистский характер* и ведет травлю большевистского Центр. Ком-а.

**) 2-м с‘ездом, как известно, была принята формулировка § 1 устава, предложенная Мартовым: „Членом РСДРП считается всякий, признающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное *содействие* под руководством одной из ее организаций“ (проект Ленина требовал *„личного участия в одной из партийных организаций“*).

способствовать выяснению истины, мы признаем необходимым и обязательным для каждого члена партии, несогласного с решениями с'езда и обще-партийной политикой, высказывать для подготовки будущего с'езда свои взгляды на страницах партийного издания, поскольку они не уклоняются от социал-демократической точки зрения и не вносят буржуазных тенденций. Всякие же попытки изменить иными способами постановления с'езда партии, мы считаем вредными и не желательными, как вносящие рознь и дезорганизацию. Относительно ЦК мы находим, что, принимая во внимание громадные задачи, возложенные на него, и трудность их выполнения при русских условиях, необходимо всем комитетам партии оказывать ему возможно большее содействие. Принимая во внимание особенно критический характер момента, переживаемого русским правительством (Японская война), который может легко явиться решающим для судьбы самодержавия и социал-демокр. партии,—мы считаем необходимым особенно тесное сплочение социал-демократов вокруг ЦК, как практического руководителя партии, особенно вредными и опасными всякие попытки противодействовать его организационной деятельности. Для того, чтобы восстановить мир в партии, необходимо редакции, как можно скорее, ясно и обстоятельно выяснить все принципиальные разногласия „меньшинства" и „большинства", необходимо напечатать, как можно скорее, протоколы с'езда и лиги*) не скрывать ничего от рядовых работников, партии, по крайней мере, в тех случаях, когда это может быть допустимо по конспиративным соображениям. Желая только мира в партии, мы не изменим своего отношения к редакции, если только она не изменит прежнего направления „Искры". Что же касается заявления редакции, что в своем теперешнем составе она „почти" не изменилась, то с этим мы согласиться не можем. Т. Ленин достаточно большая величина и выход его из редакции—потеря для общего дела. Но мы надеемся, что, как сотрудник, он осуществит свое участие в идейном руководстве партии. Итак, больше гласности!".

Из приведенного письма видно, что симпатии Тверской организации были целиком на стороне „большинства" и после второго с'езда партии, разрешение организационных вопросов, предлагаемое Лениным, принимается организацией целиком. Скоро Тверская организация и практически проявила свою фракционную принадлежность. Она участвует на состоявшейся перед 3-м с'ездом „Северной конференции комитетов большинства", которая тогда была одним из этапов борьбы большевиков за немедленный созыв 3-го с'езда. На этой конференции порицается деятельность партийных учреждений, бывших тогда в руках меньшевиков и избирается „Бюро комитетов большинства", которому поручается работа по созыву обще-партийного с'езда.

*) С'езд заграничной „лиги русских револ. с.-д." призвал партийных работников к борьбе против большевистского „бюрократического централизма". Тогда представитель Ц. К. об'явил „лигу", ее с'езд и резолюцию—незаконными.

Таким образом, Тверская организация входит целиком в большевистскую часть социал-демократической партии. Будучи большевистской по своему направлению, она на месте, в Твери, об'диняет всех сознательных рабочих под знаменем большевизма. Нужно сказать, что здесь она является организацией, впитывающей в себя все передовое и революционное среди тверских рабочих. Организации других партий, как например, эс-эров, здесь, правда, существуют, но они слишком слабы и малочисленны по сравнению с организацией социал-демократической, которая целиком удерживает за собой руководство рабочими массами.

XI.

1905 год.

С наступлением 1905 года, принесшего с собою первую русскую революцию, всюду в Тверской губернии, как в городе среди рабочих, так и в деревне, замечается непрерывный рост революционного движения, непрерывное развертывание революционных сил. В то же время организуются и сплачиваются силы реакции—черная сотня, вербуемая защитниками старого строя всюду, где есть темнота, несознательность, непонимание происходящего.

Тверская организация стоит во главе революционного движения и делает все возможное, чтобы сорганизовать и вывести на борьбу как рабочие, так и крестьянские массы. Памятный для русского пролетариата день 9-го января 1905 года нашел свой отклик в Твери, прежде всего, в виде попытки наиболее сознательных и организованных рабочих вызвать на выступление своих товарищей.

Тверские рабочие, придавленные хозяйским гнетом, еще в значительной своей части забитые и несознательные, молча работали после событий 9-го января и Тверская организация решила обратиться к ним с призывом подняться на борьбу. „Организованные" собрали сходку политического характера и единогласно решили об'явить стачку. Рабочие Морозовской фабрики были оповещены ими о сходке в 1 час ночи, возле новой ф-ки. Когда рабочие стали выходить „со смены", „организованные" призвали их остановиться и сейчас же образовалась толпа человек в 600. Один из рабочих выступил с речью, призывая к забастовке в знак протеста против расстрела 9-го января в Петербурге. Но едва начав речь, оратор должен был ее прекратить. Часть подмастерьев с табельщиками во главе стали пробираться сквозь толпу, чтобы арестовать его. Эти подмастерья, находившиеся всегда в положении надсмотрщиков над рабочими и приближенных к хозяину, чаще всего являлись агентами хозяина. Развращенные своим „привилегированным" положением среди рабочих, они оказались той средой, откуда капиталисты и полиция черпали себе сторонников „не за страх, а за совесть".

На этот раз наиболее темные и пресмыкающиеся перед администрацией и властями подмастерья сорвали начавшийся митинг.

На следующий день рабочие попытались забастовать, но на фабрику была вызвана рота солдат и это не удалось. Хозяин тут же заявил, что он остановит фабрику до пасхи, если будет забастовка. Так, мерами грубого насилия, рабочие были удержаны от выступления. Капиталисты, власти, полиция—начали усиленную деятельность, чтобы не допускать в Твери „беспорядков". Не только подготовляли роты солдат, но началась „работа" и другого характера. Сторонники существующего строя всеми силами пытались создать себе опору в среде самих рабочих, в виде черной сотни. Это им удавалось до некоторой степени.

Так, кучка подмастерьев три дня спустя после срыва митинга, пошла к директору фабрики с просьбой пригласить священника, чтобы тот отслужил молебен „за тишину и спокойствие" и просил бога о прекращении „крамолы". Просьба подмастерьев была удовлетворена и молебен был отслужен, но эта была пощечина всем остальным рабочим.

Сознательные, организованные рабочие собрались снова на сходку (до 60 человек) и решили забаставать в знак протеста, об'явив, что молебен был отслужен отнюдь не от имени рабочих. Сразу после сходки 25 января, рабочие в числе 25 человек пошли на фабрику, вошли к работавшим и стали призывать своих товарищей к забастовке, разбрасывая прокламации Тверского комитета.

Но организованные черносотенцы—из ткацких подмастерьев—вооружились железными болтами, пилками и с диким криком набросились на „бунтовщиков". Многих избили и попытка забастовки опять не удалась.

Через час на фабрику приехал губернатор и сказал подмастерьям „свое княжеское спасибо за молодецкую расправу". После этой „удачи", Морозовы еще больше внимания обратили на организацию черной сотни из подмастерьев. Ткацкий мастер Марков прямо советовал употреблять холодное оружие против забастовщиков.

Морозовской фабрикой „беспорядки", однако, не ограничились. Позднее, 7 февраля, выступили рабочие Кувшиновской писчебумажной фабрики в Новоторжском уезде. Рабочие забастовали в количестве 2000 человек и устроили политическую демонстрацию. Толпы рабочих проходили по улицам, пели революционные песни, раздавались крики—„долой самодержавие!".

Как видно из бумаг Твер. губ. жандарм. отделения, здесь руководили „не причастные к рабочим": Ширяев (служащий в местной потребительской лавке), А. Н. Фролов, Шиларев и В. Виноградов, который нес впереди демонстрации красное знамя. Ширяев держал в руке раскрытую книгу и руководил пением. Организовали демонстрацию новоторжские социал-демократы. Забастовщики Кувши-

новской фабрики пред'явили также экономические требования: сокращение рабочего времени и увеличение заработной платы.

В общем и целом, события 9 января несомненно всколыхнули рабочих, хотя и не вызвали широкого движения. Это движение пока только подготовлялось нароставшим революционным брожением в широких массах.

Тверская организация РСДРП достойно отметила в 1905 году и день 1 мая. За городом, неподалеку от фабрики Морозова, в т. н. „Желтиковской роще“, был назначен митинг. Собралось народу до 300 человек. Были выкинуты красные флаги и после речи оратора митинг превратился в демонстрацию.

Демонстранты направились к Морозовской фабрике, намереваясь выйти в „Красную слободу“, чтобы демонстрировать на улицах. Но это не удалось. Организованная Морозовым кучка черносотенцев, преимущественно подмастерьев, выбежав из фабричного двора, напала на демонстрацию, пустив в ход палки и камни. Раздались выстрелы и с той и с другой стороны. В конце концов черносотенцы были отбиты, причем один из них, Елкин, был ранен в ногу 4 пулями. Демонстрация расстроилась. Хотели устроить митинг, но шум и беспорядочные выстрелы, не умолкавшие после столкновения, мешали выступлениям и митинг не был удачным. Революционное движение, однако, разрасталось и из города перекидывалось в деревню.

Пасха, как и праздник 1-го мая отмечены были по деревням многочисленными митингами, сходками, демонстрациями.

Как писали Тверские социал-демократы в газете „Пролетарий“ (№ 4): „На пасхе 1905 года состоялись демонстрации в следующих деревнях Тверского уезда: Андриаково, Пучнино, Мельниково, Пепелышево, Казино, Грибово; сходки были: в Пречистом Бору (75 человек), в Андрианове (Первая 70 чел., вторая 30 чел.), в Габоле (150 чел.,) Дмитровской (60 чел.), Неготине (37 чел., 33 чел., 25 чел., 3 сходки), в Крутых Горках (150 ч.)“.

Демонстрации, сходки захватили и другие уезды. Обыкновенно инициаторами сходок была приходившая из города фабричная молодежь, при чем роль организаторов почти всюду играли социал-демократы.

Иногда были столкновения с полицией. Так, в Пречистом Бору избит был пристав Шмидов, пытавшийся „усмирять“ демонстрацию.

Тверской комитет выпустил прокламацию—„Крестьяне, к вам наше слово“, которая и распространялась всюду, где были сходки и демонстрации.

Вот как описывается в бумагах жандармского управления одна из таких демонстраций в деревне Феляево: „Был день гулянья, праздник, называвшийся „Ярило“. Молодежь, человек в 200, собралась и пошла большой толпой по улице, скоро раздалось и пение: „долой войну, долой царя, долой тирана-палача“ с припевом: „черная галка,

белая полянка". После толпы оказались прокламации. Многие имели заряженые револьверы из которых стреляли." Такие демонстрации проходили все лето 1905 года.

На Тверских ф-ках все было тихо до 11 августа, а в этот день началась забастовка на стеклянном заводе Курова. Выпущенные комитетом листовки с требованиями для куровских рабочих были быстро расхватаны рабочими. Последние признали эти требования своими. Утром 12-го третья часть рабочих собралась на сходку, которая была организована комитетом и прошла с большим под'емом. На особой сходке было принято решение бастовать. 12 августа, на ф-ке Залогина, также началась забастовка. Днем на дворе собралось до 700 рабочих, выступали представители комитета, вырабатывались как экономические требования, так были выброшены и политические лозунги. 13 августа забастовали 15 тысяч рабочих ф-ки Морозова, которые приняли все требования, помещенные в листовке Тверского к-та и при выходе с работы избили полицию. Таким образом, Тверской организации удалось не только вызвать на выступление тверских рабочих, но и взять в свои руки руководство начавшимся движением.

Забастовка скоро прекратилась, но брожение в массах не утихало. Сказывалась начавшаяся революция, которая развернулась в Твери и Тверской губернии лишь позднее—после манифеста о свободах 17 октября. Этот день, прежде всего, был отмечен в Твери черносотенным выступлением. Толпа черносотенцев, частью из местных воров, частью из мелких затверецких домовладельцев, устроила в центре города погром губернской земской управы, где происходило собрание земских служащих, решавших вопрос о присоединении ко всеобщей забастовке, начавшейся тогда по почину железнодорожников. Управу подожгли, а выбегавших из нее служащих—избивали.

Но жалкие потуги черносотенцев, конечно, не могли остановить революцию. Она чувствовалась всюду и когда до Твери дошла весть о манифесте 17 октября, по призыву социал-демократической организации забастовали все ф-ки и рабочие, густыми колоннами, с лесом красных знамен двинулись в город.

Правда, там их ждало столкновение с казаками. Революция в Твери началась, но впереди было еще много борьбы и много жертв.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОКТЯБРЬ"

Телеграфн. адрес: Тверьиздат.

Тверь, Советская, 45.

Телефоны №№ 533, 569 и 7.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ:

1-й—Советская, 45, 2-й—Советск., 29 и 3-й—Ул. Урицкого, 31.

Госучреждениям, партийным и профессиональным организациям, клубам, избам-читальням и библиотекам книги высылаются без задатка, наложенным платежом, по получении оффициального заказа. Заказы от частных лиц исполняются по получении задатка в размере 25% стоимости.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЗДАНИЙ.

ПУТЬ „ПРАВДЫ".

Стр. 218, цена 35 коп.

Второе издание (разошлось).

—„Это—не связная история, а материал, в котором имеются повторения, но он касается разных сторон и периодов жизни газеты. Больше всего материала о первых годах ее существования, т. е. перед войной. Из наиболее интересных можно указать, кроме Н. Ленина „К десятилетнему юбилею", статьи: Г. Зиновьева „Газета Правда" и „Заграничный большевистский центр". М. Ольминского „Чем была „Правда" 1912—14 г.г.", Б. Иванова (рабочего) „Наша „Правда" и ее основание", А. Гертик „Распространение газеты „Правда", М. Савельева „Далекое—близкое", М. Артамонова „Молодые побеги", статьи Молотова, В. Попова. Но взявшись за книжку, прочитываешь и остальные. Рабочий с удовольствием прочтет этот сборник, все статьи которого доступны для неподготовленного читателя. Сборник необходим в городских библиотеках."—

(„Бюллетень Книги", кн. 3—1923).

25 лет Р. К. П. (б.)

Сборник статей: Л. Троцкого, Г. Зиновьева, К. Радека, Н. Бухарина и др. к юбилею партии.

В книге три раздела: I—1898—1923, II—Ленин, III—документы. 12 пертретов В. И. Ленина, воспроизведенных с последних снимков.

282 стр., цена 70 к.

(разошлось).

Стр. 334+XXXV, цена 1 р. 50 к.

Луиза Мишель.

КОММУНА.

В обложке на меловой бумаге, работы худ. Носкова; издание с подробными примечаниями и иллюстрациями на отдельных листах. Первое издание разошлось полностью, готовится 2-ое издание.

—„Воспоминания участницы борьбы, великой энтузиастки—анархистки. Здесь нет. глубокого анализа событий, но дается яркое их описание. Блестящим языком излагается агония империи Наполеона III, ее падение, борьба Парижа с версальцами. Приведена масса документов, писем разных действующих лиц революции и контрреволюции. Дается описание „гекатомбы" после падения Коммуны, ссылки в Каледонию и возвращение оттуда. Автор уделяет больше, чем другие, места роли женщин в восстании. В разных местах книги приводятся стихотворения, как самой Мишель, так и других. Книгу следует рекомендовать, как художественное произведение, в особенности молодежи."—

(„Бюллетень Книги"—1—2—1922).

КАЛЕНДАРЬ-СПРАВОЧНИК КОММУНИСТА

на 1923 г.

Карманное издание; кроме табель-календаря и хроники революционных событий включает в себе: Устав Коммунистического Интернационала, Устав и программу Р. К. П. (б.), Р. К. С. М., краткую историю партии и пр.

Стр. 256, цена 25 к.

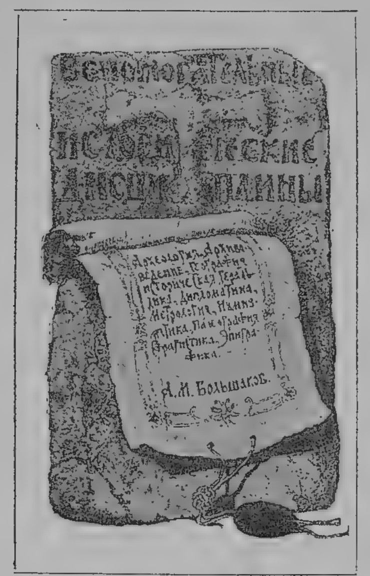
„СМѢНА ВѢХ"

(переиздано с Пражского издания).

Сборник статей Ю. В. Ключникова, Н. В. Устрялова, С. С. Лукьянова, А. В. Бобрищева-Пушкина, С. С. Чахотина и Ю. Н. Потехина. Стр. 155+XII, цена 25 коп.

—„Сборник „Смена Вех" знаменует собой начало перелома в рядах старой буржуазной интеллигенции, разуверившейся в творческих силах буржуазного Запада, белых партий и групп. Трещина, сделанная этим сборником, будет увеличиваться. Авторы сборника становятся на точку зрения специалистов-интеллигентов, приявших Советскую власть „по совести"."—

(Из предисловия).

Стр. 126, цена 70 коп.
Второе издание.

Проф. А. М. Большаков.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ.

Археология, Архивоведение, География историческая, Геральдика, Дипломатика, Метрология, Нумизматика, Палеография, Сфрагистика, Эпиграфика.

„Книга дает в сжатом и популярном изложении сведения об основных понятиях каждой археологической дисциплины и ее содержании... На русском языке вовсе не существовало такого пособия. Для самообразования эта книга—незаменимое руководство, способное пробудить интерес к серьезному и детальному изучению археологических дисциплин... Рекомендуем эту книгу как хорошее и полезное руководство по археологии. Ценность ее увеличивается тем, что в конце она сообщает литературу по каждой в отдельности археологической дисциплине“.

(*„Летопись Краеведения“, вып. 1*).

Проф. В. Н. Бочкарев.

ОЧЕРК РУССКОЙ ИСТОРИИ.

Конспект лекций
для ВУЗОВ, ПАРТШКОЛ и ДЛЯ САМООБРАЗОВАНИЯ.

„Очерк Русской Истории“ проф. Бочкарева особенно ценен тем, что здесь автор, применяя к изучению прошлого России метод научного марксизма, уделяет наибольшее внимание, как пишет он сам,—„явлениям экономического порядка и процессу классовой борьбы в исторических судьбах России. Смена политических форм, равно как и идеологическая структура русского общества поставлена им в тесную связь с экономикой и социальной динамикой.“ И на этом пути им достигнуты значительные результаты.

Книга является особенно ценной и представляет большой интерес не только в качестве пособия в учебных заведениях, но и для каждого интересующегося прошлым России для самообравания. Форма лекций сохранена автором очерка и это значительно облегчает работу учащегося“.

(*„Тв. Правда“ № 125*).

Стр. 156, цена 85 к.

Стр. 68, цена 45 коп.

Проф. В. Н. Бочкарев.

ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ В РУССКОМ ПАРЛАМЕНТЕ XVIII века.

(опыт изучения политической идеологии XVIII века по материалам Законодательной Комиссии 1762—1768 г.г.).

Врачи Л. А. и Л. М. Василевские.

СУД НАД САМОГОНЩИКАМИ

(дело Карпова Тихона и его жены Агафьи по обвинению в изготовлении и тайной торговлей самогонкой).

„Суд над самогонщиками“ представляет собою яркую бытовую инсценировку „дела Карпова и его жены Агафьи“.— Известно, что теперь ни одна другая форма санитарной пропаганды не встречает такого отклика в аудитории, как именно суды... Это—уголок живой действительностя, который проходит перед слушателями во всей своей жизненной правде.—За самое короткое время изданный Наркомздравом „Суд над проституткой“ д-ра Аптекмана прошел сотни раз при всегда переполненной аудитории. Несомненно, такой же прием ждет инсценировку суда над самогонщиками, составленную д-рами Василевскими, толково написанную и посвященную нашему „больному“ вопросу о самогонке.

(Н. Семашко, „Изв. В. Ц. И. К.“ № 123).

Стр. 52, цена 15 к.

Проституция
Новая Россия

Стр. 84, цена 30 к.

ПРОСТИТУЦИЯ и НОВАЯ РОССИЯ.

В брошуре „Проституция и Новая Россия“ собраны материалы, необходимые для ориентировки в вопросе о мерах борьбы с проституцией.—Здесь дается определение понятия проституции, критически разбирается практика борьбы с ней в Европе и России. намечаются настоящие мероприятия по борьбе с этим злом.—Нельзя от души не пожелать самого широкого распространения обеих этих брошур. Пусть проникнут они до самых медвежьих уголков нашей обширной страны и пусть помогут и там борьбе с раз‘едающим нашу жизнь социальным злом—самогонщиной и цроституцией“.

(Н. Семашко, „Изв. В. Ц. И. К.“ № 123).

Суд над акушеркой ЛОПУХИНОЙ

(совершившей операцию аборта, следствием чего явилась смерть женщины).

Стр. 64, цена 20 к.

МЕЙЕРХОЛЬД

Стр. 84, цена 1 р. 35 к.

МЕЙЕРХОЛЬД

художественный альбом, посвященный 25-летнему юбилею сценической деятельности В. Э. Мейерхольда. Сборник включает в себе статьи т.т. Семашко, Тихоновича, Блюма, Арватова, Февральского, Чужака, Масс, Керженцева и др. и снабжен многими фото-клише на отдельных листах.

О ТЕАТРЕ

сборник статей В. Арватова, И. А. Аксенова, В. Блюм, О. Блюм, Эм. Бескина, А. Ган, М. Загорского, В. Раппопорт, Л. Сабанеева, В. Тихоновича, Б. Фердинандова.

„В статьях сборника есть попытки марксистски обосновать вопросы театра, подвести хотя бы некоторые итоги той борьбе, которая велась в театре между его „академическим" и „левым" флангом, и дать представление о театре будущего. Пусть здесь нет разрешения этих вопросов, зато мы имеем, наконец, постановку их и „сводку" мнений деятелей театра „левого направления", и с этой стороны сборник заслуживает внимания".

(*„Правда" № 236*).

Стр. 151, (разошлось).

НОВЫЙ ХИРУРГИЧЕСКИЙ АРХИВ

под редакцией проф. Военно-Медицин. Академии **С. П. Федорова** и проф. Екатеринославского Мед. Института **Я. О. Гальперна**.

Вышли из печати 10 книг, размером до 13 печатн. листов; с X-й книги введен РЕФЕРАТИВНЫЙ ОТДЕЛ. Первые ПЯТЬ книг и 7-я книга—разошлись.

Цена 6, 8, 9 и 10 книги по Руб. 1—золотом.

АЛЕКСЕЙ
ГАН

Стр. 70, цена 50 к.

А. Ган.

КОНСТРУКТИВИЗМ.

—„Конструктивизм“ формулирует взгляды группы марксистов на интеллектуально-материальное производство. В первой половине книги автор, анализируя спекулятивную природу искусства, констатирует, что социальные функции искусства в момент пролетарской революции дают осечку—отсуда неизбежное умирание искусства... Вторая половина книги и посвящена разбору проблем социально-осмысленного художественного труда. Здесь впервые четко сформулированы основные дисциплины коммунистического выражения материальных сооружений, т. е. конструктивизма..... Только в России, только в стране, заложившей первые камни нового общества, могла возникнуть эта книга, ибо конструктивизм „рассматривает практику советского строя, как единственную свою школу“... На фабрике, в красноармейской части, в партийной ячейке, в клубе союза молодежи—вот место этой первой марксистской книге по вопросам интеллектуально-материального производства.“

(„Моск. театральн. еженедельн.“ № 9).

Борис Гусман.

100 ПОЭТОВ.

Литературные портреты с приложением библиографического указателя современной поэзии. Красочная обложка на меловой бумаге работы худ. М. К. Соколова.

Стр. 291+XXIX, цена 1 р. 50 к.
(разошлось).

„Автор спешит оговориться, что его книга не является критической: в ней по адресу поэтов, о которых идет речь, не найти ни похвалы, ни хулы. Это портреты, или точнее, контуры портретов, причем они сложились из собственных слов тех поэтов, которые служили автору моделями. От себя автор дал только фон, жизнь, бьющуюся в судорогах и слезах, улыбках и радостях, здесь на нашей земле... Но особенную признательность заслуживает Гусман не только за эти контуры портретов, из которых многие очень удались ему—но и за приложенный библиографический указатель поэзии за последнее десятилетие. Этот огромный труд, проделанный автором, не пропадет даром“.

(„Эхо“ № 5).

С. Родов.

СТАЛЬНОЙ СТРОЙ.

Стихи 1921—1922 г.г., красочная обложка на меловой бумаге работы худ. Г. Носкова.

„С. Родов рос, как поэт, вместе с революцией... Он в своей последней книге обнаруживает настоящую четкость не только социально-политического, но и художественного миросозерцания... Такие стихотворения как „Кабак“ радуют тем жаром и пафосом, с каким отвергаются пьяные соблазны нэповского быта... В общем и целом „Стальной Строй“—книга нашего времени, ее автор хорошо чувствует эпоху, и его лирический жар неподделен“.

(„Изв. В. Ц. И. К.“ № 117).

Стр. 80, цена 50 к.

F. BERTHOLD.

„ОПЕРАЦИОННАЯ“.

Руководство для врачей, студентов и сестер.

Свыше 300 рисунков в тексте, иллюстрирующих все, что относится к устройству, содержанию **операционной** и работе в ней: стерилизации рук, перевязочного материала, шелка, кэгута и т. д. Подробно указан инструментарий, нужный для каждой **операции**. Сжатое, но точное изложение дает полную возможность каждому, устраивающему **операционную** извлечь много весьма практических указаний.

Книга редактирована проф. **Я. О. Гальперном.**

Цена книги по предварительной подписке 1 руб. зол. по курсу банкнот.

Проф. А. В. Циллер.

ВЕНЕРИЧЕСКИЕ БОЛЕЗНИ,

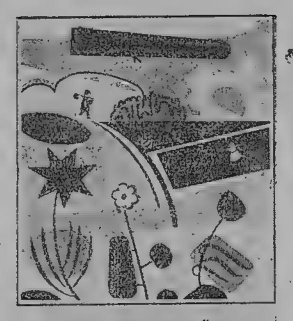
их симптомы, распознавание и лечение.

Руководство для студентов и врачей.

Перевод с последнего Лейпцигского издания д-ра Б. А. ИВАНОВА.

Стр. 184, цена 40 к.

Стр. 93, цена 40 коп.

М. Невский.

„НА ЗЕЛЕНЫЙ ПРОСТОР".

„Книжка М. Невского—не учебник по ботанике. Это ряд очерков, приноровленных к экскурсиям в лес, поле—на лоно природы.... Форма изложения увлекательна и легко сможет заинтересовать впечатлительный ум ребенка... „На зеленый простор" можно смело рекомендовать школам как прекрасного помощника—книгу, написанную к тому же живо и интересно".

(„Тв. Правда" № 101).

ЗЕМЕЛЬНЫЙ КОДЕКС Р. С. Ф. С. Р.

(Свод законов о земле).

(Снабжен алфавитно-предметным указателем; стр. 74, цена 25 коп.

С. А. Унковская.

АЗБУКА
„Первая Зимка"

с картинками и прописями.

Стр. 46, цена 10 коп.

„Букварь „Первая Зимка" переработан мною для народных школ из прежней моей Азбуки, изданной мною в 1905 г. Сейчас он представляет из себя пособие при прохождении грамоты в I-м отделении школ. Первая часть представляет из себя букварь, вторая—книжку для чтения после прохождения азбуки, состоящую из рассказов и стихотворений. Некоторые рассказы и стихотворения читаются детями в лицах, что является первым шагом к драматизации и, кроме того, доставляет детям большое удовольствие. Стихотворения „Козлик", „Дедушка" и „Четыре времени года" помещены специально для многоголосного чтения.

(Из предисловия Автора к Азбуке).

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ОКТЯБРЬ"
Тверь

1 р. 20 к.

